

Магисса

РАЗВОД В 65:
Найти себя заново

Магисса –
Развод в 65: Найти себя Заново

«Литнет»

2026

– М.

Развод в 65: Найти себя Заново / М. – — «Литнет», 2026

- Заканчивай этот цирк, Соня, - голос мужа звучит деловито и раздраженно.
- Мне шестьдесят семь. Она просто искра, адреналин, чтобы я чувствовал себя живым. Но ты - моя жена, мой дом. Я никуда не уйду. Я куплю тебе новую машину, и мы закроем эту тему. Я смотрю на человека, которому отдала сорок лет жизни, и чувствую лишь ледяную пустоту. Мой муж, моя «каменная стена», предал меня, а узнала я об этом в коридоре больницы, где его молодая любовница уверенно махала доверенностью на его жизнь. Он искренне уверен, что я проглочу обиду. Родная дочь твердит, что в 65 лет разводиться смешно и я обязана закрыть глаза на измену ради ее наследства. Они все думают, что удобная, привычная София поплачет и вернется в свою панорамную золотую клетку на двадцать пятом этаже. Но они забыли одну вещь. Гравитация всегда берет свое. И чтобы заново обрести голос, мне придется спуститься с небес на землю, стереть пальцы в кровь и вспомнить, кто я такая на самом деле. Тему закрою я, Назар. В тексте есть: ✓# предательство мужа после 40 лет идеального брака ✓# сильная, адекватная героиня 60+ с чувством собственного достоинства (без истерик) ✓# бывший муж — властный эгоист ✓# взрослые дети, которые выбирают деньги, а не мать ✓# настоящий, надежный мужчина и исцеляющая любовь ✓# глубокие эмоции, возвращение к творчеству и преодоление себя ✓# ХЭ для героини.

Содержание

Глава 1. Удар о землю	5
Глава 2. Чужая территория	9
Глава 3. Раздел имущества	13
Глава 4. Адреналин и прагматика (Назар)	17
Глава 5. Смета брака	21
Глава 6. Первый этаж	26
Глава 7. Предательство крови	31
Глава 8. Тремор	36
Глава 9. Бюрократия пустоты	40
Глава 10. Хозяин положения	43
Глава 11. Фантомные боли	46
Глава 12. Треск резонанса	49
Глава 13. Загнанная в угол	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Глава 1. Удар о землю

- Новички всегда боятся натяжения, - я мягко, но уверенно накрыла своей ладонью кисть тринадцатилетнего Дениса, заставляя его пальцы плотнее лечь на струны. - Тебе кажется, что жесткий нейлон сейчас лопнет и ударит тебя по лицу. Но без этого колоссального напряжения, без этой физической жесткости не родится звук. Инструмент должен чувствовать твою силу, иначе он выдаст лишь невнятное, жалкое дребезжание. Попробуй еще раз. Спину прямо, дыши ровно.

Мальчик послушно выпрямился, упираясь плечом в тяжелую деревянную раму концертной арфы. В просторном классе элитной музыкальной школы пахло нагретым на солнце дубовым паркетом, старым лаком и едва уловимо - дорогой шерстью моего строгого темно-синего платья. Я привыкла к этому запаху, к этой выверенной академической акустике, где каждый шорох имел свой вес, а жизнь текла по понятной, классической партитуре.

Денис занес руки для аккорда, но в этот момент тишину распорол резкий, почти истеричный звук вибрирующего мобильного телефона, лежащего на краю моего полированного стола.

Я никогда не позволяла себе отвлекаться во время уроков. Мой телефон всегда стоял на беззвучном режиме, пропуская только звонки от мужа и дочери. Я бросила взгляд на экран. Номер был незнакомым. Внутри, где-то глубоко под ребрами, мгновенно свернулся тяжелый, ледяной ком - интуиция, выработанная сорока годами жизни с человеком, чья профессия напрямую связана с ежедневным риском.

- Извини, Денис. Одну секунду, - я приглушила струны ладонью, физически ощущая кожей, как затухает их вибрация, и взяла трубку. - Да?

- София Иосифовна? - голос на том конце был сухим, надтреснутым, с сильным фоновым гулом пронизывающего ветра и лязгом тяжелого металла. - Это Михалыч, прораб с объекта Назара. Вы только не паникуйте.

Я не запаниковала. Моя спина стала абсолютно прямой, словно вдоль позвоночника одним махом вставили стальной стержень. Педагогическая выдержка сработала как броня.

- Говорите прямо. Что с моим мужем?

- Микроинсульт. Прямо в кабине. Он на связь перестал выходить, ребята по радиации докричаться не могли. Поднялись, а он там осел на панель управления. Живой, дышит, но сознание путается, речь плывет. Сейчас спасатели МЧС его спускают вниз. Сто метров высота, сами понимаете, дело ювелирное, небыстрое. Скорая уже здесь, на площадке, ждет с открытыми дверями. Повезут в Первую городскую, в нейрореанимацию.

- Я поняла. Выезжаю, - мой голос прозвучал абсолютно ровно, хотя в висках начал пульсировать глухой, болезненный стук. Никаких слез, никаких лишних вопросов. Я сбросила вызов, аккуратно положила телефон в кожаную сумку и повернулась к испуганному ученику, который замер у инструмента. - Урок окончен, Денис. Собирай ноты, мне нужно срочно уйти.

Только когда я накинула свое тонкое демисезонное кашемировое пальто и вышла на холодное каменное крыльцо школы, мое тело позволило себе реакцию. Ноги вдруг стали ватными, словно из них одним шприцем выкачали всю кровь. Октябрьский ветер грубо забрался под воротник, обжигая шею. Я дрожащими, непослушными пальцами вызвала такси через приложение, глядя на экран так, словно видела эти буквы и цифры впервые в жизни.

Пока ехала машина, я попыталась дозвониться нашей дочери. Альбина жила в Мюнхене уже семь лет. Длинные гудки шли бесконечно, тягуче долго, а потом раздался сухой щелчок, и вызов оборвался. Сбросила. У нее сейчас, скорее всего, вечерняя йога или статусный ужин с немецкими партнерами мужа. Я убрала телефон в карман. Ничего, позвоню позже. Сейчас главное - Назар.

В салоне такси пахло дешевым лимонным ароматизатором и мокрой тканевой обивкой. Водитель равнодушно слушал какое-то утреннее шоу по радио, пока я смотрела в окно на серые улицы, по которым ползли вереницы машин. Меня накрывал удушающий, липкий страх. Не за себя - за него.

Назару было шестьдесят семь лет. Для кого-то это возраст тихого, сгорбленного пенсионера, копающегося в теплице на даче, но только не для моего мужа. Назар был человеком высоты. Крановщик высочайшего, шестого разряда. Настоящий ювелир стройки, способный филигранно опустить многотонную бетонную плиту в зазор шириной в несколько сантиметров при шквальном ветре. Он был крупным, жилистым, упрямым мужиком, который никогда не жаловался на здоровье. Наш брак никогда не был похож на союз тирана и покорной прислуги. Мы были партнерами. Дома он не лежал на диване в ожидании горячего ужина - он блестяще жарил стейки, сам, играючи, менял сложную проводку в нашем пентхаусе, одним телефонным звонком решал любые бытовые проблемы. Он был моей стеной. Моим абсолютным, нерушимым фундаментом, за которым я могла спокойно заниматься музыкой.

И я знала, почему это случилось. Давление. Последние месяцы я замечала, как тяжело он дышит по утрам, стоя у зеркала в ванной. Как незаметно трет виски, как тайком глотает какие-то белые таблетки, пряча шуршащие блистеры на самом дне своей рабочей сумки. Я пыталась заговорить с ним об этом, просила пройти нормальное обследование в платной клинике, но он только отмахивался со своей привычной снисходительной, мужской усмешкой: "Сонь, не делай мне нервы. Меня на медкомиссии спишут на землю из-за этой гипертонии, а я без высоты сохну. Я еще вас всех переживу".

Он панически боялся старости. Боялся стать слабым, оказаться привязанным к земле, зависеть от врачей. И вот теперь эта земля с силой ударила его наотмашь. Я представила, как его, большого, сильного, но внезапно беспомощного, спускают на тросах в люльке с высоты ста метров на глазах у всей бригады, и мне стало физически дурно. Печка в такси работала на полную мощность, но меня била мелкая, противная дрожь. Я сильнее запахла полы пальто, сжимая ручку сумки.

- Приехали. Первая городская, центральный вход, - бросил таксист, притормаживая у массивных чугунных ворот больницы.

Я расплатилась картой и быстро вышла в сырые, промозглые сумерки. Над городом висела тяжелая серая туча, готовая разразиться ледяным дождем.

Отделение нейрореанимации на втором этаже встретило меня резким светом люминесцентных ламп, от которого сразу заболели глаза, и густым, въедливым запахом хлорки, смешанным с чем-то неуловимо-сладковатым, больничным. Я шла по длинному коридору, глухо цокая невысокими каблуками по старому линолеуму. Каждый мой шаг отдавался гулким эхом в полупустом пространстве.

Я искала глазами пост дежурного врача или хоть кого-то в белом халате, чтобы узнать, привезли ли Назара, успели ли.

У застекленной стойки администратора стояли двое. Высокий, сутулый врач в синем хирургическом костюме и женщина.

Я машинально замедлила шаг. Женщина стояла ко мне спиной. На ней не было ни вызывающей норковой шубы, ни дизайнерских сапог на шпильке, ни вообще чего-либо, что вписывалось бы в банальный, книжный образ "другой женщины". На ней были грубые, тяжелые, испачканные в строительной серой пыли ботинки, обычные темно-синие джинсы и яркая салатовая светоотражающая жилетка инженера, накинутаая прямо поверх демисезонной куртки. В левой руке, пальцы которой нервно подрагивали, она сжимала желтую строительную каску.

Ей было на вид около сорока. И она плакала. Плакала не театрально, не для привлечения внимания персонала, а по-настоящему тяжело, навзрыд, судорожно глотая сухой больничный воздух.

- Поймите вы, я должна его увидеть! - ее голос сорвался на хрип. - Как он? Что с левой стороной? Лицо не перекосило? Он в сознании?

- Женщина, успокойтесь, - врач говорил ровно, с той профессиональной отстраненной усталостью человека, который видит чужие трагедии каждый день. - Состояние тяжелое, но гемодинамика стабильная. Микроинсульт подтвержден, сейчас проводим тромболитическую терапию. Но в блок интенсивной терапии я вас не пушу. По строгим правилам больницы мы пускаем только законных родственников. Жену, детей. Вы ему кто?

Я замерла в трех метрах от них. Мое сердце на секунду остановилось, пропустив удар, а потом ударило в ребра с такой силой, что мне показалось, звук разнесся по всему коридору.

- Я его... я с ним, - женщина шмыгнула носом, по-детски вытирая мокрое лицо тыльной стороной ладони, на которой виднелись темные следы машинного масла.

- Вот когда законная жена приедет, с ней и буду разговаривать, - жестко отрезал хирург, перекладывая какие-то папки на стойке. - Мне нужно собирать подробный анамнез. У него в крови следы гипотензивных препаратов. Я должен точно знать, что именно он принимал последние полгода, какие дозировки, были ли аллергические реакции на препараты. Если мы сейчас введем не то лекарство или не учтем противопоказания, случится обширное кровоизлияние, и мы его потеряем. Ждем супругу.

Женщина вдруг перестала плакать. Она резко выпрямилась. Вся ее растерянность и женская слабость мгновенно исчезли, уступив место какой-то отчаянной, звериной уверенности. Она небрежным движением бросила каску на пол - плотный пластик гулко стукнул о линолеум - и свободной рукой торопливо расстегнула молнию на нагрудном кармане своей рабочей куртки.

- Законную супругу? - ее голос больше не дрожал, он звенел от ледяного напряжения. - Да его законная супруга понятия не имеет, чем он дышит и чем болеет! Она только костюмы его элитные в химчистку сдает!

Она вытащила из кармана сложенный вчетверо плотный лист бумаги. Резким, почти агрессивным жестом развернула его и припечатала к стеклянной стойке прямо перед лицом уставшего врача.

- Читайте. Вслух читайте, доктор!

Хирург нахмурился, поправил очки и пододвинул к себе лист. Я стояла не дыша. Воздух в коридоре стал густым, тяжелым, как клей.

- Это генеральная медицинская доверенность, - сказала женщина, чеканя каждое слово, словно вбивала гвозди в крышку моего брака. - Оформлена у нотариуса полгода назад. На мое имя - Крылову Эльвиру Викторовну. Назар Иосифов официально передал мне право принимать любые медицинские решения в случае его недееспособности. Право на получение любой медицинской информации. И право подписывать согласие на любые операции.

Врач пробежал глазами по строчкам, профессионально оценил синюю нотариальную печать, сверил данные и тяжело вздохнул.

- Я знаю все его таблетки, - продолжала Эльвира, глядя врачу прямо в глаза, не отступая ни на миллиметр. - Он принимал "Периндоприл" восемь миллиграмм каждое утро, и "Амлодипин" вечером. Аллергия на новокаин и лидокаин. И у него была прободная язва желудка десять лет назад. Я знаю о его здоровье больше, чем кто-либо на этом свете. Я - его женщина. Вы обязаны пустить меня к нему прямо сейчас.

Хирург молча кивнул. Он взял доверенность, развернулся к дверям блока и махнул рукой:

- Идемте. Только наденьте бахилы и стерильный халат. Пять минут, не больше. Я вызову лечащего врача для беседы.

Я стояла пригвожденная к месту. Время потеряло свой обычный, линейный ход. Оно растянулось, застыло, превратилось в бесконечный, оглушающий вакуум.

В книгах, глупых сериалах и женских романах измена всегда выглядит пошло и предсказуемо. Ярко-красная помада на воротнике идеально выглаженной рубашки. Забытый длинный женский волос на пассажирском сиденье автомобиля. Случайное смс-сообщение, высветившееся на экране телефона в час ночи. Все это грязно, унижительно, обидно, но это можно хоть как-то объяснить первобытными инстинктами, мужской слабостью, глупой физиологией стареющего самца.

Но то, что происходило сейчас на моих глазах, было в тысячу раз страшнее любой помады на воротнике.

Мой муж, с которым мы прожили сорок лет в уважении и достатке. Муж, с которым мы вырастили общую дочь, с которым десятилетиями спали в одной постели, делили горечь потерь и радость побед. Мой сильный, непробиваемый Назар, столкнувшись с самым страшным для себя - со страхом собственной смерти и физической немощи, - пошел за спасением не ко мне. Он пошел к нотариусу.

Он доверил право отключать его от аппаратов жизнеобеспечения абсолютно чужой женщине. Он доверил ей знание о своей слабости, о своих тайных таблетках, о своей боли. Предали не мое стареющее тело. Предали не нашу общую спальню. Предали мой фундаментальный статус. Меня только что юридически, официально, с синей гербовой печатью вычеркнули из его жизни, оставив лишь удобный, красивый фасад для редких походов в гости к общим друзьям.

Эльвира наклонилась, чтобы поднять с пола свою желтую строительную каску. И в этот момент, выпрямляясь, она повернула голову в сторону коридора и посмотрела прямо на меня.

Она поняла, кто я такая, в ту же секунду. В таких вещах мы, женщины, на инстинктивном уровне никогда не ошибаемся. Мое строгое, идеально сидящее синее платье, дорогое кашемировое пальто, безупречная, несмотря на пронизывающий ветер, укладка. Я была живым портретом той правильной, благополучной жизни, которую Назар оставлял за порогом, уходя к ней на пыльную, грязную стройку.

Мы смотрели друг на друга. Между нами было всего три метра казенного линолеума. В ее глазах, покрасневших от недавних слез, не было торжества победительницы или дешевого злорадства любовницы, дорвавшейся до власти. Там была только странная смесь отчаянной усталости и какой-то горькой, бабьей жалости.

Врач обернулся у тяжелых металлических дверей реанимации:

- Вы идете, Эльвира Викторовна?

Она не отрывала от меня взгляда. Моя прямая, аристократичная спина больше не была признаком моей внутренней силы. Она была просто пустым панцирем, под которым ничего не осталось - ни опоры, ни прошлого. Я смотрела в глаза молодой женщине, которая прямо сейчас держала в своих испачканных мазутом руках жизнь моего мужа, и понимала, что сорок лет моего безупречного брака только что рассыпались в прах.

Повисла тяжелая, физически осязаемая тишина. Струна моей жизни натянулась до абсолютного предела. И лопнула.

Глава 2. Чужая территория

Лязгнул металл. Тяжелая дверь блока нейрореанимации, повинаясь мощному доводчику, начала медленно закрываться, отсекая меня от того стерильного, пропитанного запахом хлорки пространства, где сейчас лежал мой муж. Высокий сутулый врач уже скрылся внутри, шурша синей тканью хирургического костюма, не оглядываясь на оставленную позади драму.

Эльвира сделала шаг через порог, но вдруг остановилась. Она обернулась, придерживая тяжелую створку плечом и нервно комкая в руках выданный медсестрой прозрачный одноразовый халат. В ярком, почти бестеневом свете больничного коридора ее испачканные цементной пылью джинсы и яркая салатовая жилетка выглядели абсолютно чужеродно, как грязное пятно на накрахмаленной простыне.

Мы смотрели друг на друга. Между нами оставалось всего несколько метров старого казенного линолеума, но это физическое расстояние казалось непреодолимой пропастью. В ее глазах, покрасневших от недавних слез, не было дешевого женского торжества или злорадства любовницы, наконец-то вышедшей из тени. Там плескалась только изматывающая, глухая бабья усталость человека, который тоже до смерти напуган.

- Не смотрите на меня так, - ее голос прозвучал сдавленно, почти хрипло, она торопливо сглотнула сухой воздух больницы. - Мы вместе три года. Почти три года, понимаете? Я знаю каждую его болячку. Знаю, как он до одури боится стать немощным инвалидом, как у него темнеет в глазах после смены, когда он спускается с этого проклятого крана.

Она говорила быстро, сбивчиво, накидывая шуршащий халат на плечи, словно боялась, что я прерву ее, или что хирург окликнет ее из глубины палаты и драгоценные минуты истекнут.

- Он вам этого никогда не показывал. Вы для него - картинка. Правильная, красивая жена из чистой, интеллигентной жизни, где играют на арфе, ходят в консерваторию и пьют чай из тонкого фарфора. А со мной он настоящий. Со мной ему не нужно держать спину и делать вид, что он железный, когда у него скачет давление и ноет желудок. Я знаю его живым.

- Эльвира Викторовна, мы ждем! - глухо донеслось из-за ее спины.

Она вздрогнула, дернула плечом, отпуская дверь. Пневматический механизм тяжело вздохнул, металлическая створка плавно пошла на место, и раздался глухой щелчок магнитного замка.

Я не произнесла ни слова. Мне было шестьдесят пять лет, и мой словарный запас, моя выверенная педагогическая выдержка, мой жизненный опыт не предполагали базарной перепалки в коридоре чужой трагедии. Я просто стояла и вбирала эти торопливые слова, чувствуя, как они с хирургической точностью, без наркоза, вскрывают сорок лет моей безупречной, как мне казалось, жизни.

Коридор больницы вдруг показался бесконечно длинным. Я медленно развернулась и пошла к выходу, стараясь ставить ноги ровно, чтобы невысокие каблучки не слишком громко стучали в этой звенящей пустоте. Каждый мой шаг отдавался глухой пульсацией в висках. Мое тело, еще пару часов назад державшее идеальную балетную осанку перед учеником в классе, теперь казалось тяжелым, чужим, неповоротливым механизмом. Ноги налились свинцом, в пояснице появилась тянущая старческая боль. Адреналин первого шока начал отступать, оставляя после себя лишь физическое истощение.

На улице меня встретил тот самый ледяной октябрьский дождь, который еще днем висел над городом серой, готовой прорваться тучей. Мелкие, колющие капли мгновенно осыпали лицо, резкий порыв ветра грубо рванул полы моего тонкого демисезонного кашемира.

У массивных кованых ворот больницы стояло несколько машин такси. Желтые шашечки тускло светились в мокрых сумерках, водители курили, приоткрыв окна, приглашая в теплое нутро салонов. Но меня вдруг физически замутило от одной мысли, что сейчас придется снова

сесть в тесное, замкнутое пространство. Я вспомнила этот приторный запах лимонного ароматизатора из прошлой поездки, равнодушный голос радиоведущего, необходимость называть адрес и ловить на себе дежурный взгляд чужого человека в зеркало заднего вида. Мне казалось, что любой взгляд сейчас оставит на моей коже ожог.

Я плотнее запахнула пальто, подняла воротник и, отвернувшись от машин, пошла пешком в сторону станции метро.

Идти было недалеко, минут десять вдоль бесконечного бетонного забора больничного комплекса, но этот путь дался мне тяжело. Мокрые, почерневшие листья скользили под подошвами. Я физически чувствовала, как осенний холод пробирается к телу, как начинают тупо, ноюще болеть суставы коленей. Это была та самая беспощадная физиология старения, которую мы с Назаром так усердно, так старательно игнорировали в нашем стерильном, благополучном мире. Мы покупали дорогие витамины, оплачивали элитные страховки, делали вид, что время над нами не властно.

Вход в метро дыхнул на меня теплым, густым потоком воздуха. Этот специфический запах нагретого металла, машинного масла, влажной одежды и старого мрамора не менялся десятилетиями. Я спустилась по гранитным ступеням, купила разовый билет в автомате, неуклюже, с первого раза не попадая замерзшими, непослушными пальцами по сенсорному экрану.

Ступив на ребристую ступень эскалатора, я инстинктивно положила руку на движущийся резиновый поручень и прикрыла глаза. Очередной сквозняк трепал выбившуюся из укладки прядь волос.

Это был мой буквальный, физический спуск. Назар всегда был человеком абсолютной высоты. Он смотрел на этот город из тесной кабины башенного крана, управляя многотонными грузами под облаками. Он смотрел на мир из панорамных окон нашего пентхауса на двадцать пятом этаже, окон, которые никогда нельзя было открыть настежь из-за постоянного шквального ветра. Там, наверху, воздух всегда был искусственным, пропущенным через дорогие фильтры климат-контроля, а земные проблемы казались мелкими, незначительными.

И вот теперь эта земля с размаху ударила его, большого и сильного мужика, навзничь. А я спускалась еще ниже, под землю, сливаясь с безликой, серой вечерней толпой.

Вокруг меня на эскалаторе стояли обычные, уставшие после долгого рабочего дня люди. Женщина средних лет с двумя тяжелыми, режущими пальцы пакетами из дешевого супермаркета. Сутулый студент в огромных наушниках, отрешенно смотрящий в телефон. Дремлющий мужчина в куртке, от которой пахло мокрым текстилем. Никому из них не было ни малейшего дела до моей академической осанки или до того факта, что полчаса назад мою сорокалетнюю семейную жизнь перечеркнули нотариальной печатью. В этой равнодушной, плотной толпе было своеобразное, грубое милосердие. Никто не лез в душу. Никто не задавал вопросов.

Поезд вынырнул из черного зева тоннеля с гулким, нарастающим грохотом, толкая впереди себя волну теплого, застоявшегося воздуха. Я вошла в полупустой вагон и опустилась на жесткое пластиковое сиденье в самом углу, подальше от дверей. Пневматика зашипела, створки сомкнулись. Вагон дернулся, тяжело набирая скорость, и снова нырнул в бесконечную кишку перегона.

Окно напротив меня, за которым теперь неслась сплошная тьма тоннеля, мгновенно превратилось в темное зеркало.

Я подняла глаза и посмотрела на женщину, отражающуюся в грязноватом стекле. В неровном, мигающем свете потолочных плафонов на меня смотрела не уверенная в себе, аристократичная супруга элитного специалиста, не уважаемый педагог престижной школы. На меня смотрела пожилая, очень уставшая женщина с заострившимися чертами лица, с жесткой, скорбной складкой у губ и глазами, в которых застыл глубокий, первобытный испуг.

Я смотрела на свое бледное отражение, а в ушах под монотонный стук стальных колес, как заезженная пластинка, крутились слова Эльвиры. "Три года. Он боится стать немощным. Вы для него - картинка".

Наверное, в такие моменты положено сходить с ума от ревности к молодому телу. Представлять чужие руки на плечах мужа, смятые простыни, задыхаться от унижительных физиологических подробностей чужой близости. Метаться от мысли, что он предпочел другую, более молодую плоть.

Но сидя в грохочущем вагоне метро, я с пугающей, кристальной ясностью осознала: меня сейчас совершенно не трогает плотская сторона вопроса. Назару шестьдесят семь лет. Мужчина в этом критическом возрасте, отчаянно, до дрожи в руках цепляющийся за стремительно уходящую мужскую силу, вполне способен завести молодую любовницу просто для того, чтобы доказать самому себе, что он еще жив. Что его тело еще функционирует. Это было грубо, банально, но это можно было бы как-то объяснить примитивной гормональной химией, страхом увядания и раздутым мужским эгоизмом.

Но мой непробиваемый Назар пошел гораздо дальше тривиальной интрижки ради адреналина.

Он отдал этой женщине свою слабость.

В нашем долгом браке мы всегда считали себя партнерами, мы уважали друг друга, но теперь я понимала, что это было лишь идеальное партнерство двух фасадов. Он был моей каменной стеной, надежным добытчиком, человеком, который играючи решал любые бытовые проблемы. Я была его безупречным тылом, хранительницей уюта, правильной картинкой, к которой он спускался со своей высоты. Я десятилетиями следила за тем, чтобы его гардероб был в идеальном состоянии, чтобы на ужин подавалась правильная еда, чтобы наша взрослая дочь Альбина, давно живущая в Мюнхене, ни в чем не нуждалась, чтобы наши общие друзья видели крепкую, нерушимую семью.

А он, оказывается, тайком глотал гипотензивные таблетки, стискивал зубы от боли в желудке и панически, до животного ужаса боялся подступающей старости. И этот свой липкий, потный страх смерти он принес не мне. Не в нашу общую просторную спальню. Он принес его другой женщине, которая знала, как тяжело он дышит после смены, и как дрожат его руки. Он доверил ей знание о своей уязвимости. Он пошел к нотариусу и дал ей официальное, юридическое право принимать медицинские решения. Право отключать его от аппаратов жизнеобеспечения, если его тело окончательно сдастся.

Его предательство заключалось вовсе не в том, что он спал с другой женщиной. Настоящее, сокрушительное предательство было в том, что он полностью исключил меня из своей реальной жизни, оставив мне лишь унижительную роль удобного, слепого декоратора его успешного быта.

Поезд ритмично, жестко покачивался на стыках рельсов. Этот механический, железный ритм странным образом действовал успокаивающе. Он выстраивал пульсирующий хаос в моей голове по строгой, геометрически правильной партитуре.

Боль, которая еще час назад сжимала горло ледяным комом и мешала сделать нормальный вдох, начала трансформироваться. Она никуда не ушла, нет. Она просто застыла, кристаллизовалась, превратившись в ровный, холодный, звенящий вакуум где-то под ребрами.

Я вспомнила, как последние полгода он начал раздражаться, когда я мягко просила его пройти нормальное комплексное обследование. Вспомнила его неизменную, снисходительную усмешку, с которой он отмахивался от меня: "Сонь, прекрати делать мне нервы, я здоровее нас всех". Вспомнила, как аккуратно, стараясь не скрипеть паркетом и не потревожить мой чуткий сон, он вставал по ночам и уходил на темную кухню. Я думала - попить воды. А он, видимо, уходил выпить свои тайные таблетки, чтобы утром снова надеть маску неуязвимого бога высоты. Или написать ей короткое сообщение.

Он берег меня. Какая изощренная, какая жестокая форма заботы - беречь свою жену от правды, чтобы не портить красивую вывеску благополучного брака.

- Станция Университет, - бесстрастный металлический голос диктора под потолком прервал мои тяжелые мысли.

Двери с шипением разъехались. Люди засуетились, выходя и заходя в вагон. Моя станция.

Я медленно поднялась с жесткого сиденья. Суставы коленей неприятно хрустнули, в очередной раз напоминая о возрасте и сырой погоде, но спина выпрямилась сама собой. Профессиональная мышечная память, выработанная десятилетиями сидения за громоздким инструментом, взяла свое. Я перешагнула через зазор между вагоном и платформой, ступив на твердый серый гранит.

Внутри меня больше не было липкой паники. Не было отчаянного желания звонить ему на выключенный телефон, умолять равнодушных врачей пустить меня в реанимацию, сидеть на жестком стуле у его кровати, выяснять отношения или бороться за свое место супруги. Нотариальная доверенность четко и недвусмысленно определила мое место. Я больше не имела права принимать решения о его здоровье.

Зато я имела полное, абсолютное право принять решение о своей собственной жизни. И начать распоряжаться ею прямо сейчас.

Я шла по длинному, гулкому подземному переходу к эскалатору на выход в город. Людской поток обтекал меня с двух сторон, гудел голосами, шелестел мокрой одеждой, спешил по своим домам, к горячим ужинам, к привычным, понятным заботам. А я шла в наш огромный, пустой пентхаус, точно зная, что именно буду делать, когда переступлю его порог.

Воздух на выходе из павильона метро ударил в лицо сыростью и запахом мокрого асфальта. Октябрьский дождь почти прекратился, оставив после себя лишь холодный влажный блеск на дорогах и поникшие голые ветви деревьев.

Я остановилась у края тротуара и посмотрела вверх. Вдалеке, за пеленой вечернего городского тумана, возвышалась знакомая громада нашего элитного жилого комплекса. Верхушка стеклянной башни терялась в низких, тяжелых облаках, словно отсеченная от грешной земли невидимым ножом. Наш идеальный дом. Наша крепость, оказавшаяся всего лишь дорогой картонной декорацией.

Мне предстояло подняться туда. В последний раз.

Глава 3. Раздел имущества

Воздух на двадцать пятом этаже всегда казался мне ненастоящим. Пропущенный через сложную, невероятно дорогую систему умных магистральных фильтров, лишенный городских запахов, сырости, выхлопных газов и пыли, он напоминал газ в стерильной медицинской барокамере. В нем было поразительно легко сохранять идеальный порядок, на полированных поверхностях неделями не оседало ни пылинки, но дышать полной грудью с каждым проживаемым годом становилось все труднее.

Скоростной лифт нашего элитного жилого комплекса проглотил меня в просторном мраморном лобби первого этажа и бесшумно, почти незримо понес вверх. Никакой вибрации, никакого лязга тросов. Только легкое, привычное давление в ушах от резкого перепада высоты выдавало стремительное движение. Я смотрела на меняющиеся цифры электронного табло, чувствуя, как с каждым преодоленным этажом внутри меня все туже, виток за витком, сжимается холодная, абсолютно равнодушная пружина.

Адреналин, который стальным стержнем держал мою спину в больничном коридоре и в грохочущем вагоне метро, окончательно выветрился. На его место пришла тяжелая, тянущая боль в пояснице и ноющих суставах коленей - безжалостная физиология стареющего тела, требующая отдыха после долгого, страшного дня и промозглого осеннего холода.

Металлические двери плавно разъехались. Я прошла по мягкому, поглощающему звуки шагов ковровину холла, приложила магнитный ключ к невидимому сканеру нашего пентхауса. Замок издал короткий, сытый щелчок.

В прихожей автоматически зажегся приглушенный теплый свет, реагируя на мое движение. Квартира встретила меня звенящей тишиной и едва уловимым, ровным гудением климат-контроля. Огромные панорамные окна в гостиной открывали кинематографичный вид на рассыпанные внизу огни ночного города. На такой колоссальной высоте окна всегда делали глухими - шквальный ветер снаружи не позволил бы открыть створку, не разбив стекло или не сорвав петли. Наш дом был неприступной стеклянной крепостью. Стерильной, дорогой капсулой, парящей над чужими мелкими проблемами, над осенней грязью улиц и над самой жизнью.

Я медленно стянула с плеч свое тонкое кашемировое пальто, ткань которого неприятно отсырела под октябрьской моросью. Запах влажной шерсти и холодного мокрого асфальта на мгновение повис в воздухе прихожей, но мощная вытяжка почти сразу же его уничтожила, затянув в свои скрытые в потолке недра. Здесь, на территории Назара, не было места ничему настоящему. Ничему земному.

Мои шаги по идеальному дубовому паркету гулко отдавались в пустом пространстве. Я не пошла в спальню, не упала на безупречно заправленную дизайнерскую кровать, чтобы в отчаянии рыдать в дорогие шелковые подушки. Слезы закончились еще там, у тяжелых металлических дверей нейрореанимации, когда я увидела испачканную цементом желтую строительную каску в руках чужой, уставшей женщины. Сейчас мне нужна была предельная, хирургическая точность каждого движения.

Первым делом я направилась в ванную комнату. Скинула туфли, расстегнула длинную молнию на спине и сняла свое строгое темно-синее платье. Ткань, весь день служившая мне надежным академическим панцирем, мягко упала на кафель. Я встала под горячие, обжигающие струи душа, физически смывая с себя запахи больничной хлорки, страха, чужого равнодушия и влажного метро. Вода била по уставшим плечам, возвращая телу чувствительность. Выйдя из кабины, я не стала делать укладку. Просто стянула влажные волосы в тугой узел на затылке. Надела мягкие, старые, немного вытянутые на коленях домашние брюки из серого трикотажа и объемный кашемировый свитер.

Только переодевшись и почувствовав себя физически комфортно, я зашла в нашу огромную гардеробную комнату.

Умные сенсоры снова послушно включили свет, мягко осветив ряды высоких встроенных шкафов из темного дерева. Я прошла мимо своей половины и остановилась у секции мужа.

В плохих женских романах брошенные жены в такие моменты хватают портновские ножницы и в истерике кромсают дорогие итальянские галстуки. Или выливают коллекционный парфюм прямо на вычищенные ботинки из кожи аллигатора, мстя за разрушенную жизнь. Я стояла, смотрела на вещи Назара и не чувствовала ни малейшего желания к ним прикасаться. Уничтожать чужой гардероб - значит признавать свою слабость, показывать, насколько сильно тебя ранили.

Его половина гардеробной была идеальной, исчерпывающей иллюстрацией его жесткого характера. Десятка два безупречно выглаженных, накрахмаленных сорочек висели строго по оттенкам - от кипенно-белого до глубокого, графитового серого. Ниже, на массивных деревянных формодержателях из ароматного кедра, ровными рядами стояла первоклассная обувь. В специальных выдвижных лотках с бархатной обивкой покоились тяжелые швейцарские хронографы, золотые запонки и зажимы для галстуков.

Мой муж никогда не был жалким бытовым инвалидом, который не знал, как включить стиральную машину, или звонил жене с вопросом, где лежат его чистые носки. Он не был инфантильным глупцом, внезапно запутавшимся в кризисе среднего возраста. Назар был человеком абсолютного, тотального контроля. Он выстраивал свою жизнь с той же филигранной, ювелирной точностью, с какой управлял многотонным башенным краном в облаках.

И его измена, его тайный поход к нотариусу за генеральной медицинской доверенностью для Эльвиры - это не была досадная случайность. Это не была минутная слабость стареющего самца. Это был такой же выверенный, осозанный, прагматичный выбор, как покупка этих кедровых колодок для дорогой обуви. Он просто интегрировал в свой идеальный мир удобную, надежную функцию спасения от собственного животного страха смерти. А меня оставил заведовать красивым фасадом.

Брезгливость, холодная и чистая, как медицинский спирт, окончательно смыла последние остатки моей привычной привязанности к этому месту.

Я отвернулась от его шкафов и потянулась к верхним антресолям, где хранились наши дорожные сумки. Никаких черных полиэтиленовых мешков для мусора, никакой унижительной суесть. Я достала два своих плотных, качественных кофра из темно-синего поликарбоната на бесшумных силиконовых колесиках. Положила их на мягкий кожаный пуф в центре комнаты и расстегнула металлические молнии.

Процесс сборов оказался неожиданно рутинным, почти скучным занятием. Я не забирала все подряд. Я укладывала только то, что действительно принадлежало мне, той настоящей Софии, которую Назар давно перестал замечать. Несколько теплых шерстяных свитеров крупной вязки, классические брюки, качественное, но лишенное кружевной пошлости белье, две пары туфель на плоском ходу, в которых я могла долго ходить по улицам.

Я аккуратно свернула то самое темно-синее платье, которое сняла полчаса назад. На дно второго чемодана, заняв почти треть пространства, легли тяжелые, пахнущие старой типографской краской и пылью папки с нотными партитурами. Оригинальные издания Дебюсси и Равеля, концерты для арфы, которые я не играла уже тридцать лет, ограничиваясь в школе простенькими этюдами для детей. Моя единственная настоящая ценность.

Суставы пальцев неприятно ныли от напряжения, поясница затекла. Возраст брал свое, физическая усталость наваливалась на плечи невидимым свинцовым плащом. Застегнув замки чемоданов, я выкатила их в длинный коридор. Колесики мягко, почти неслышно прошелестели по гладкому паркету.

Оставалось последнее. Самое важное. Я прошла на кухню.

Кухонный остров из матового черного искусственного камня тускло поблескивал в свете диодной подсветки. В самом центре этой высокотехнологичной, мертвой зоны возвышалась главная гордость Назара - встроенная швейцарская кофемашина стоимостью в триста тысяч рублей. Массивная, сверкающая хромом, с огромным цветным сенсорным экраном. Абсолютный символ его жизненной философии. Достаточно было просто поднести чашку, нажать правильную иконку на стеклянной панели, и бездушный, математически выверенный механизм выдавал идеальный, стандартизированный напиток. Никаких лишних усилий. Никакой рассыпанной гущи. Никакого участия живого человека в процессе.

Я подошла к дальнему глубокому ящику из массива дуба, выдвинула его до упора и потянулась в самую глубину. Там, задвинутая за ненадобностью всевозможными модными гаджетами для взбивания кокосового молока и электронными термощупами для стейков, стояла она.

Старая, нелепо тяжелая ручная кофемолка.

Ею не пользовались уже лет пятнадцать. Ее квадратный корпус был сделан из потемневшего, слегка рассохшегося от времени дерева, а литая чугунная ручка была заметно надколота у самого основания. Мы купили ее сорок лет назад, во время нашего невероятно скромного свадебного путешествия, на какой-то пыльной, залитой солнцем южной барахолке. В те годы у нас не было панорамных окон, элитной недвижимости и климат-контроля. У нас была тесная, пропахшая жареным луком однушка на окраине города и эта деревянная кофемолка.

Чтобы сварить кофе тогда, нужно было проснуться раньше Назара, засыпать жесткие зерна в узкую металлическую воронку, крепко зажать деревянный короб между коленями и долго, с физическим усилием крутить тугую, скрипящую рукоятку. Нужно было чувствовать сопротивление каждого зерна, слышать глухой хруст, вдыхать густой, пробивающийся сквозь щели деревянных деталей аромат. Это требовало времени. Это требовало тяжелого ручного труда. Это было по-настоящему.

Я провела пальцами по шероховатому дереву. На подушечках остался легкий, едва заметный след старой пыли. Я не стала стирать ее. Развернувшись спиной к сияющему хромом швейцарскому автомату, я бережно опустила старую ручную мельницу в свою вместительную кожаную сумку.

Это был мой единственный, глубоко личный, почти абсурдный акт раздела нашего совместно нажитого имущества. Мне совершенно не нужны были его миллионы, его дорогая бытовая техника, его акции и его стерильная крепость под облаками. Я забирала с собой память о том времени, когда мы еще были живыми людьми, способными чувствовать боль и радость, а не идеально функционирующими декорациями в успешных жизнях друг друга.

Выйдя обратно в просторную прихожую, я остановилась у высокого зеркала. Лицо без макияжа казалось бледным, заострившимся, но спина оставалась абсолютно прямой. Я достала из кармана сумки мобильный телефон. Батарея показывала тридцать процентов. Этого было более чем достаточно.

Никаких ночевки на холодных вокзалах, никаких слезных звонков подругам с просьбой пустить на диван у меня не будет. Я не инфантильный подросток, сбежавший из дома в никуда, и не бесправная содержанка, которую выставили за дверь без копейки. Я взрослый человек. У меня были свои личные сбережения, своя, пусть и скромная на фоне доходов мужа, зарплата педагога и свое неприкосновенное достоинство.

Я открыла приложение бронирования, привычно скользя большим пальцем по экрану. Быстро выбрала хороший, проверенный четырехзвездочный бизнес-отель в тихом переулке центрального района. Оплатила просторный номер на три ночи вперед. Завтра, на свежую голову, когда адреналиновый спад пройдет окончательно, я начну искать постоянную квартиру в длительную аренду. Обязательно на первом этаже. Как можно дальше от неба и поближе к твердой, настоящей земле.

Затем я открыла другое приложение и вызвала такси бизнес-класса. Я больше не хотела терпеть запах дешевых лимонных ароматизаторов, сырых сидений и равнодушный голос утреннего радиошоу в тесном салоне, как это было сегодня по пути в больницу. Мне нужна была тишина, за которую я готова была заплатить сама.

- Машина ожидает вас у центрального входа, - безлико высветилось на экране смартфона.

Я убрала телефон. Взялась за прохладные выдвижные ручки чемоданов. Но прежде чем открыть тяжелую входную дверь, я достала свою повседневную связку ключей.

Мои пальцы, десятилетиями привыкшие перебирать тугие, неподатливые нейлоновые струны арфы, сейчас двигались жестко и бескомпромиссно. Я отщелкнула от металлического кольца круглую пластиковую таблетку от входа в парадную нашего комплекса. Затем стянула тяжелый, намагниченный ключ сложной формы от электронного замка пентхауса. На связке остался висеть только один маленький, потертый ключик от моего музыкального класса в школе.

Я положила ключи от квартиры мужа на стеклянную консоль у двери.

Звук металла, ударившегося о толстое дизайнерское стекло, получился неожиданно громким, резким, сухим. Он короткой, звенящей волной прокатился по идеальной тишине квартиры и погас, мгновенно поглощенный мягкой обивкой стен и ровным гудением очистителей воздуха.

Я шагнула через порог, выкатывая за собой синие кофры. Тяжелая бронированная дверь, повинувшись мощному пневматическому доводчику, плавно пошла на свое место. Раздался глухой, финальный щелчок магнитного замка, намертво блокирующего створку. Фасад остался безупречным, недостижимым, запертым изнутри. Но меня там больше не было.

Я подошла к шахте и нажала кнопку вызова лифта, глядя на загоревшуюся зеленую стрелку, указывающую направление. Вниз. Только вниз. До самого основания.

Глава 4. Адреналин и прагматика (Назар)

от лица Назара

- Хватит разводить сырость, Эля. Меня не парализовало, - я поморщился и с усилием вытянул свою широкую ладонь из ее влажных, дрожащих пальцев.

Мой голос прозвучал глуше, чем обычно, с неприятной, царапающей горло хрипотцой, но интонация осталась прежней - жесткой и не терпящей возражений. Я терпеть не мог суеты. Всю свою жизнь я управлял процессами, где малейшая паника или лишнее, невыверенное движение приводили к катастрофе. Многотонная бетонная плита на высоте ста метров не прощает истерик. Человеческое тело, как выяснилось сегодня, тоже.

Эльвира сидела на жестком пластиковом стуле у моей койки в блоке нейрореанимации. Поверх ее салатовой рабочей жилетки и перепачканных цементной пылью джинсов был нелепо, наспех накинут прозрачный одноразовый халат, шуршащий при каждом ее вздохе. Под глазами залегли темные, некрасивые тени от потекшей от слез туши. В обычные дни ее грубоватая, земная энергия заводила меня, давала то самое первобытное ощущение мужского превосходства и силы. Но сейчас эта заплаканная женщина с покрасневшим носом вызывала лишь глухое, тягучее раздражение. Женские слезы у постели больного - это кривое зеркало, в котором отражается твоя собственная слабость. А слабым я не был никогда.

- Я так испугалась, Назар, - она шмыгнула носом, комкая в руках влажную бумажную салфетку. - Когда ребята по рации передали, что ты осел в кабине... Я думала, это конец. Думала, сердце. Я тут в коридоре чуть с ума не сошла, пока тебя капали. С врачами ругалась. Умоляла пустить.

- Зачем? - я чуть приподнял голову от жесткой, пахнувшей хлоркой и крахмалом подушки. Вокруг монотонно пищали приборы, ритмично гудел инфузомат, отмеряя капли какого-то препарата мне в вену.

- Они пускать не хотели, - Эльвира вдруг выпрямилась, в ее голосе прорезались упрямые, злые нотки, те самые, за которые я когда-то выделил ее среди десятков других инженеров на площадке. - Требовали законную жену. А я им твою доверенность в лицо сунула. Прямо на стойку. Чтобы знали, кто имеет право здесь находиться и принимать решения.

Внутри меня что-то тяжело и неприятно ворохнулось. Идеально выстроенная, безупречно работающая система дала сбой. Я никогда не смешивал свои миры. Моя семья, моя правильная, аристократичная София находилась на одном полюсе. Эльвира, стройка, адреналин и грубый секс - на другом. Эти параллельные прямые не должны были пересекаться. Моя тайная слабость должна была оставаться тайной.

- Соня была здесь? - спросил я ровно, глядя на мигающие зеленые цифры кардиомонитора над кроватью.

- Была. Стояла там, в коридоре, смотрела на меня, - Эльвира нервно передернула плечами, пластиковый халат снова противно зашуршал. - Вся из себя такая... ледяная. Идеальная. Я ей все сказала. Что мы три года вместе. Что я знаю про твои таблетки и давление. Что ты со мной живой, а не картинка для ее красивой жизни. Врач дал мне пять минут, я побежала к тебе, а она ушла.

Я прикрыл глаза. В висках начал пульсировать глухой, болезненный стук. Бабы разборки в больнице - это дешево, грязно и совершенно не в моем стиле. Но винить в этом я мог только собственную физиологию, которая так не вовремя отказала.

- Иди домой, Эля, - я посмотрел на нее абсолютно спокойно, без злости, но с тем напором, от которого мои подчиненные обычно мгновенно замолкали. - Выпись. Прими душ. Завтра в восемь ноль-ноль на объекте заливка перекрытий двенадцатого этажа. Я хочу, чтобы ты была

там и контролировала технику безопасности. Михалыч без меня может расслабиться, а нам травмы на участке не нужны. Мое время вышло, сейчас врачи тебя выгонят. Иди.

Она открыла было рот, чтобы возразить, чтобы побороться за свое право остаться преданной сиделкой у моей постели, но натолкнулась на мой взгляд. Я не просил. Я отдавал приказ. Эльвира была умной бабой, она прекрасно знала, когда нужно отступить. Она порывисто наклонилась, ткнулась сухими губами в мою колючую щеку, резко развернулась и вышла из блока. Тяжелая металлическая дверь с шипением закрылась за ней.

Я остался один.

Я поднял левую руку и медленно, с усилием сжал пальцы в кулак. Указательный и средний подчинились мгновенно, а вот безымянный и мизинец отозвались легким, ватным сопротивлением, словно их обмотали плотной резиной. Микроинсульт. Дежурный хирург назвал это транзиторной ишемической атакой. Звучало как сложный научный термин, но на деле это было пошлое, унижительное напоминание о том, что мое время неумолимо уходит. Мне шестьдесят семь лет.

Перед внутренним взором снова возник сегодняшний день. Тесная кабина крана. Привычная вибрация стальной мачты под порывами жесткого октябрьского ветра. Внизу копошатся фигурки рабочих в оранжевых касках, похожие на суетливых муравьев. Я плавно тяну на себя правый джойстик, переводя стрелу с бетонной плитой к нужному сектору. И вдруг горизонт резко кренится вправо. Плотный, холодный туман мгновенно заливаает левый глаз. Во рту появляется отчетливый, кислый вкус старой меди. Я пытаюсь сказать в рацию, чтобы внизу приняли груз, но язык превращается в кусок неповоротливого сырого мяса, а из горла вырывается только невнятное, жалкое мычание.

Это был животный ужас. Не страх сорваться с высоты - я доверял своей технике больше, чем людям. Это был страх оказаться запертым в собственном бесполезном, сломанном теле. Страх стать немощным стариком, пускающим слюни на подушку, зависящим от памперсов, сиделок и чужой жалости.

Именно от этого липкого, потного страха я и бежал последние три года. Эльвира не была великой любовью моей жизни, пресловутой "сединай в бороду" или внезапным помутнением рассудка. Она была моим лекарством. Моим личным, необходимым допингом. Когда я зарывался лицом в ее волосы, когда чувствовал под собой ее сильное, упругое тело, когда она стояла от моих грубых ладоней - я доказывал самому себе, что я еще молод. Что моя кровь способна кипеть, что я по-прежнему альфа, самец, способный брать свое. Я брал этот адреналин, чтобы потом возвращаться на свой стометровый кран и чувствовать себя богом высоты.

А вечером я возвращался домой. К Софии.

Я смотрел в белый потолок реанимации и думал о своей жене. Чувствовал ли я себя виноватым предателем, разрушившим святость брака? Нет. В моей системе координат для чувства вины просто не было места, потому что я всегда платил по счетам. Я рассуждал категориями рентабельности, вложений и честного партнерства.

София была моим фундаментом. Моей идеальной, безупречной вывеской. Сорок лет назад я взял ее в жены - тонкую, прозрачную девочку с музыкой в голове, у которой ничего не было, кроме ее громоздкой арфы. И сорок лет я обеспечивал ей жизнь, о которой другие могли только мечтать. Я пахал на высоте в любой мороз и шквальный ветер, тайком глотал таблетки от гипертонии, чтобы она могла носить кашемир, пить свой коллекционный чай и учить детей в чистом, теплом классе. Я выстроил для нее неприступную крепость на двадцать пятом этаже - элитный пентхаус, где даже воздух фильтровался умной машиной.

Я контролировал все. Я оплачивал элитную школу наших внуков в Мюнхене, прекрасно зная, что наша дочь Альбина держится за мой кошелек мертвой хваткой. Альбина вся пошла в меня - прагматичная, жесткая, умеющая считать деньги. Она никогда не позволит матери разрушить этот удобный финансовый конвейер. Я закрывал все бытовые вопросы так легко и

незаметно, что София даже не знала, как выглядит квитанция за коммунальные услуги или где в нашей квартире находятся счетчики на воду.

Я считал, что имею абсолютное право на свою маленькую, грязную тайну. Любой мужик, который тянет на себе такой колоссальный груз ответственности, заслуживает отдушины. Я берег жену, я не собирался бросать ее ради молодой любовницы. Развод - это удел идиотов, не умеющих держать свои инстинкты под контролем. Раздел имущества, суды, дележка ложек, разрушение выверенного до мелочей комфортного быта - все это казалось мне абсолютно нерациональным бредом.

Да, сегодня Эльвира нарушила правила. София увидела то, чего не должна была видеть. Произошла авария. Но любую аварию можно устранить, если подойти к делу с холодной головой и правильным бюджетом. С этой мыслью я провалился в тяжелый, искусственный сон.

Утром, когда лечащий врач убедился в стабильности моей гемодинамики и отсутствии новых очагов, меня перевели из реанимации в комфортную платную палату на третьем этаже.

Только оказавшись там, я наконец выдохнул. Я потребовал у медсестры свои личные вещи. Я не собирался лежать пластом и изображать умирающего лебедя. Забрав свою рабочую кожаную сумку из шкафчика, я первым делом вытащил смартфон.

Я позвонил Михалычу, прорабу. Трубку сняли после первого же гудка.

- Назар? Батюшки, живой! - голос прораба гудел из динамика, на фоне слышался привычный, успокаивающий шум тяжелой строительной техники. - Ты как, командир? Мы тут всем участком перекрестились.

- Живой, не дождетесь. Михалыч, слушай внимательно, - я перешел на жесткий, деловой тон, игнорируя его бабьи сантименты. - Бетон миксерами пошел?

- Пошел, первый уже разгружаем.

- Кран кто принял? Синицын?

- Да, Синицын на подмене.

- Следи за ним. Он молодой, дерганый, любит стрелу на высоких оборотах тормозить. Скажи ему, чтобы бадью с бетоном вел плавно, ветер сегодня порывистый, раскачает груз - залыете перекрытие криво. Я в больнице на пару дней, максимум на неделю. Врачи перестраховываются. Никакой паники начальству не разводить, график заливки не сдвигать ни на час. Понял?

- Понял, Назарыч. Все сделаем в лучшем виде. Выздоровливай.

Я сбросил вызов. Удовлетворение ровной, горячей волной прокатилось по грудной клетке. Моя стройка работала. Моя империя функционировала без перебоев. Я по-прежнему держал руку на пульсе этой жизни.

Отложив телефон, я посмотрел на серое, затянутое тучами утреннее небо за окном палаты. Пришло время решать главную проблему. Проблему с женой.

Я знал Софию как свои пять пальцев. Она была гордой женщиной с прямой академической осанкой. Я не сомневался, что вчера она вернулась в нашу квартиру, заперлась там и, возможно, даже всплакнула, сидя в дорогом кресле перед панорамным окном. Она чувствовала себя оскорбленной. Это было предсказуемо.

Но я также знал, что она - женщина, привыкшая к высокому уровню безопасности. Куда ей идти? В шестьдесят пять лет жизнь не начинают с чистого листа на вокзале. В этом возрасте ценят покой, стабильность и хорошую медицинскую страховку, которую я ей оплачивал.

Я начал разрабатывать стратегию телефонного разговора, выстраивая ее, как сложную смету. Никаких униженных извинений, покаяний и признаний в любви. Это только покажет мою слабость и даст ей повод для лишних манипуляций. Я поговорю с ней твердо. Дам ей возможность выпустить пар, высказать свои накопившиеся обиды. Соглашусь, что Эльвира - это моя глупость, чисто физиологическая потребность, которая больше не повторится. Я объясню ей, что главное - это наш дом, наша семья и статус.

А затем я предложу компенсацию. Достойную, весомую. Давно пора было поменять ее машину. Я закажу для нее новый немецкий внедорожник из салона, в максимальной комплектации, чтобы она чувствовала себя королевой на дорогах. Плюс оплачу ей на месяц поездку на термальные источники в Карловы Вары. Она отдохнет, подышит горным воздухом, приведет нервы в порядок, а когда вернется, мы будем жить дальше, словно ничего не произошло. Сделка есть сделка. Моральный ущерб должен быть покрыт финансово. Я все рассчитал. Деньги и комфорт всегда перевешивают эфемерные эмоции.

Часы на экране смартфона показывали половину десятого утра. Самое время. София уже должна была проснуться, выпить свой утренний кофе из нашей швейцарской машины и успокоиться после вчерашнего шока.

Я разблокировал экран свободной от капельницы правой рукой, зашел в список контактов и нажал на имя "Соня".

Динамик коротко и сухо щелкнул. Я поднес телефон к уху. Раздался первый длинный, монотонный гудок. Затем второй. Третий.

Я смотрел в больничное окно и ждал. В моей голове рисовалась четкая, успокаивающая картина: моя правильная, предсказуемая жена сидит на бархатном диване в нашей залитой светом гостиной на двадцать пятом этаже и смотрит на звонящий телефон, собираясь с силами, чтобы принять мои условия.

Гудки продолжали идти. Я ни на секунду не сомневался, что сейчас она снимет трубку. Я был хозяином положения. Я контролировал абсолютно все.

Глава 5. Смета брака

Двадцать секунд. Ровно столько длится стандартный вызов до того, как бездушная автоматика оператора связи решит, что абонент недоступен, и оборвет соединение.

Мой телефон, лежащий на полированной столешнице гостиничной тумбы, мелко вибрировал, сдвигаясь к краю на долю миллиметра с каждым новым гудком. На ярком экране бескомпромиссно светилось короткое имя: «Назар».

Я сидела в глубоком, жестковатом кресле у окна, уже одетая, с убранными в тугий академический узел волосами. В безликом номере дорогого бизнес-отеля пахло отбеливателем, которым прачечная вытравливала чужие запахи с постельного белья, и слабо тянуло озоном от скрытой в потолке решетки кондиционера. На подносе рядом с телевизором остывал недопитый кофе. Я заказала его в номер полчаса назад, но сделала всего пару глотков - это был горький, плоский гостиничный суррогат, не имеющий ничего общего с тем напитком, к которому я привыкла.

А прямо по центру стола, словно нелепый артефакт, вырванный из другой исторической эпохи, стояла старая ручная мельница с надколотой чугунной ручкой. Единственное, что я вчера вечером забрала с нашей идеальной высокотехнологичной кухни.

Вибрация телефона гулко передавалась через дерево стола, отдаваясь легкой, неприятной дрожью в моих коленях. Пятнадцать секунд.

Профессиональная мышечная память арфистки, десятилетиями приучавшая меня держать безупречную осанку перед тяжелым инструментом, сработала сама собой. Я расправила плечи, физически чувствуя, как сухо хрустнул затекший после сна на чужом матрасе шейный позвонок, сделала глубокий, размеренный вдох и провела пальцем по стеклу экрана.

- Да? - мой голос прозвучал ровно. Без вопросительной интонации, без испуга, без надрыва.

- Сонь, ну наконец-то. Я уже думал, ты принципиально в партизаны ушла, - голос Назара мгновенно наполнил тесное пространство комнаты, вытесняя собой казенную тишину отеля. Он был чуть более глухим и хриплым, чем обычно, с легкой одышкой - последствия вчерашней реанимации явно давали о себе знать. Но интонация оставалась прежней. Хозяйской. Уверенной. Деловой.

В этом была вся квинтэссенция моего мужа. Никаких дрожащих обертонов провинившегося мальчика. Никаких покаянных всхлипов или театрального отчаяния. Назар всегда управлял процессами. И сейчас, судя по его тону, он планировал просто устранить возникшую на объекте досадную производственную аварию.

- Я слушаю тебя, Назар.

- Заканчивай этот цирк, - в его словах проскользнуло тяжелое, снисходительное раздражение взрослого, отчитывающего не в меру капризного подростка. - Ты вчера устроила показательное выступление. Чемоданы, ключи на тумбочке, кофемолку эту древнюю зачем-то утащила, как сумасшедшая барахольщица. Ладно, я понимаю. Стресс, гормоны, уязвленная женская гордость. Увидела в больнице то, что не должна была видеть. Произошел сбой. Но давай смотреть на вещи трезво.

Я медленно протянула руку и положила ладонь на шершавое деревянное основание старой кофемолки. Дерево было прохладным и настоящим. Я перевела взгляд на окно. Там, внизу, по мокрому октябрьскому асфальту куда-то спешили люди под низким серым небом. Я находилась всего лишь на третьем этаже. Это была еще не моя спасительная земля, но уже и не его пугающая, стерильная высота.

- Трезво? - эхом отозвалась я, чувствуя, как внутри сгущается холод.

- Именно, - Назар тяжело вздохнул в трубку. На заднем фоне монотонно, ритмично пищал какой-то медицинский прибор, отмеряя частоту его сердечных сокращений. - Мне шестьдесят семь лет, Соня. У меня давление скачет так, что в глазах темнеет, когда я по лестнице со стрелы спускаюсь. Эльвира - это просто искра. Мой адреналин. Лекарство, если хочешь, чтобы я мог дальше работать и тянуть нашу семью на том уровне, к которому ты привыкла. Это физиология, понимаешь? Глупая, первобытная мужская потребность доказать своему стареющему организму, что я еще жив.

Он замолчал на секунду, собираясь с силами, и выдал главное:

- Но ты - моя жена. Мой дом, мой тыл, мой фундамент. Я не собираюсь ломать несущую стену из-за того, что мне понадобились временные строительные леса. И разводиться я не буду.

Я закрыла глаза. Его слова не били наотмашь. Они просачивались под кожу медленным, парализующим ядом.

В глупых романах и телевизионных шоу мужчины в подобных ситуациях клянутся в вечной любви, валяются в ногах, покупают нелепые букеты алых роз и вымаливают прощение. Назар же предлагал мне нечто неизмеримо более страшное в своей честности. Он предлагал мне абсолютный, беспринципный прагматизм.

В его выверенной картине мира измена не являлась предательством нашего союза. Она была издержками производства. Его каторжный, изматывающий труд под облаками требовал допинга, требовал иллюзии молодости, и он просто нашел этот допинг, считая его своей законной льготой. А я, как «умная женщина», должна была проявить пресловутую мудрость. То есть молча проглотить унижение, закрыть глаза на нотариальную доверенность и продолжить красиво, с достоинством декорировать его успешную жизнь.

- Ты все сказала этой Эльвире вчера в коридоре, - продолжал Назар, не дожидаясь моей реакции. - Она звонила мне вечером, рыдала в трубку. Бог с ней. Тема закрыта. Я выпишусь и вернусь домой через неделю. К этому времени ты успокоишься, распакуешь чемоданы обратно в гардеробную, и мы забудем эту историю.

- Забудем? - я чуть сильнее сжала пальцами края кашемирового свитера. - Как забывают о неудачно поданном ужине или сломанном ногте?

- Соня, не цепляйся к словам. Я ценю твоё терпение. И я прекрасно знаю, как это исправить.

Он сделал паузу. Ту самую многозначительную, тяжеловесную паузу генерального директора перед оглашением годового бонуса подчиненному.

- Я прямо сейчас перевел тебе на карту хорошую сумму, - сказал Назар, и в его севшем голосе вдруг зазвучали нотки удовлетворенного собой благодетеля. Хозяина жизни. - Давно пора поменять твою машину. Закажешь себе нового «немца» из салона, в максимальной комплектации, чтобы не стыдно было к твоей элитной школе подъезжать. И давай-ка оформим тебе путевку. В Карловы Вары на месяц. Попьешь воды горной, примешь ванны, нервы свои творческие в порядок приведешь. Купишь себе там что захочешь. А когда вернешься - все будет по-старому. Договорились?

В трубке повисла плотная, выжидающая тишина, нарушаемая лишь его дыханием и мерным писком кардиомонитора.

Он ждал моего согласия. Он был стопроцентно уверен, что сделка состоится. Мой муж только что с бухгалтерской точностью составил смету моего терпения. Он подсчитал амортизацию сорока лет нашего брака, оценил стоимость моего шока у дверей реанимации, учел свою тайную жизнь с чужой женщиной и выставил мне финальный счет. Немецкий внедорожник и месяц на европейском курорте. Мое достоинство, моя верность, моя боль - все это имело конкретный, измеримый в рублях эквивалент.

Где-то глубоко под ребрами, в районе солнечного сплетения, образовался плотный, звенящий вакуум. Вчера, в больнице, я задыхалась от боли. Сейчас я чувствовала лишь кристальную, вымороженную, как медицинский спирт, брезгливость. Оскорбили не мое постаревшее тело. Оскорбили мой интеллект.

- Назар, - мой голос прозвучал настолько ровно и тихо, что ему, судя по шороху, пришлось прижать телефон плотнее к уху.

- Да, Сонь? Покупай ту белую, как ты хотела.

- Нельзя купить новый фундамент, если здание уже рухнуло.

Он раздраженно цокнул языком:

- Опять ты за свои музыкальные метафоры...

- Оставь эти деньги себе, - перебила я его. Я не повысила тон ни на полтона, но включила ту чеканную, академическую дикцию, от которой ученики мгновенно замолкали в моем классе. - Тебе понадобится очень хорошая, дорогая сиделка. Потому что твоя Эльвира, твои «временные строительные леса», не станут выносить за тобой судно. Она не станет терпеть твою гипертонию и путающуюся речь, когда ты окончательно свалишься со своего крана. А я больше не работаю красивым фасадом в твоей жизни.

- Соня, ты сейчас совершаешь огромную ошибку...

Я отвела телефон от лица и нажала красную кнопку. Вызов оборвался, оборвав его властное право решать мою судьбу.

В номере отеля снова стало оглушительно тихо. Эта бытовая, казенная тишина, в которой никто не ждал моего ужина и не нуждался в моих выглаженных сорочках, вдруг навалилась на меня со всей тяжестью.

Экран смартфона мигнул. В верхней части дисплея всплыло пуш-уведомление от банковского приложения. Черные цифры на белом фоне. Перевод от Назара. Сумма действительно была колоссальной. На эти деньги можно было купить не просто премиальный автомобиль, а небольшую «однушку» на окраине города. Он не скупился на отступные, оплачивая свой комфорт.

Я смотрела на этот цифровой эквивалент своей перечеркнутой жизни. Мои пальцы двигались по стеклу экрана с жесткой, математической точностью хирургического скальпеля. Я открыла приложение. Авторизовалась. Выбрала последнюю транзакцию с огромным количеством нулей. Система услужливо предложила несколько опций.

Я нажала «Возврат перевода отправителю». Подтвердить.

Сумма обнулилась, исчезнув в цифровом пространстве банковских серверов так же легко и быстро, как исчез мой сорокалетний брак. У меня были свои сбережения - отложенные зарплаты педагога, небольшие гонорары за редкие частные уроки. Я никогда не была инфантильной транжирой. Я не собиралась голодать, но и брать щедрую плату за свою ампутированную семью я не собиралась тем более. Свобода теряет всякий смысл, если ты оплачиваешь ее деньгами своего конвоира.

Завершив операцию возврата, я перешла в список контактов. Нашла имя мужа. Открыла выпадающее меню.

«Заблокировать абонента».

Предупреждение системы: вы больше не сможете получать звонки и сообщения от этого пользователя.

Подтвердить.

Все.

Я положила телефон экраном вниз на стол и медленно откинулась на спинку кресла.

И вот только теперь, когда все мосты были официально сожжены, когда юридическая и эмоциональная пуповина оказалась перерезана моими собственными руками, мое тело позволило себе реакцию.

Адреналин, который стальным, негибким стержнем держал мой позвоночник последние двадцать четыре часа, резко, одновременно испарился. Меня ударило ознобом. Это была не та романтическая, трепетная дрожь юных, покинутых героинь из мелодрам. Это был противный, выматывающий, сухой старческий холод. Он зародился где-то глубоко в суставах и жесткими волнами начал расходиться по мышцам. Мои плечи мелко, неконтролируемо затряслись. Поясницу стянуло тугим, болезненным спазмом, колени задрожали так сильно, что мне пришлось плотно сжать ноги.

Я обхватила себя руками, впиваясь пальцами в мягкую шерсть кашемирового свитера, и низко опустила голову на грудь. Суставы кистей ныли от напряжения. Из глаз выкатились несколько горячих, едких слез. Они не принесли никакого кинематографичного облегчения, только оставили на коже ощущение соленой стянутости. Я не рыдала, не выла в голос, не кусала в кровь губы. Я просто сидела, свернувшись в казенном кресле чужого номера, и позволяла своему стареющему организму физически переработать этот кортизоловый шок.

Я оплакивала не потерю мужчины. Мужчины в том виде, в каком мы себе их придумываем в юности, исчезают задолго до официального разрыва. Я оплакивала огромный, безвозвратно ушедший кусок своего времени. Сорок лет я гладила его сорочки, слушала его рассказы о высотных ветрах, следила за тем, чтобы в доме всегда был его любимый сорт чая, и ходила на цыпочках, когда он отсыпался после тяжелой смены. Я растворила свою собственную акустику в его слепой высоте. Я стала такой удобной, такой предсказуемой и незаметной, что он искренне решил, будто меня можно переоценить в любой момент, просто выдав премию за выслугу лет.

Озноб колотил меня минут десять. Я дышала глубоко, через нос, концентрируясь на том, как прохладный, отфильтрованный кондиционером воздух наполняет легкие. Постепенно спазм начал отпускать. Мелкая дрожь в руках утихла, оставив после себя лишь гудящую мышечную слабость.

Я разжала руки и положила ладони на колени.

В бледном свете из окна я смотрела на свои пальцы. Кожа на них была ухоженной, бледной, с аккуратным коротким маникюром. Это были холеные руки интеллигентного преподавателя, который годами сидит в теплом, чистом классе и лишь изредка, порхающим движением касается струн, показывая детям правильную постановку кисти. Эти руки давно забыли, что такое настоящая, черная работа. Они забыли, что такое жесткие, тугие жилы басового регистра большой концертной арфы, которые нужно оттягивать с силой, стирая подушечки до плотных, кровавых мозолей, чтобы извлечь глубокий звук. Мои руки были такими же удобными и декоративными, как и вся моя прошедшая жизнь.

Я медленно поднялась с кресла. Колени привычно, сухо хрустнули, напоминая о возрасте и сырой погоде за стеклом.

Пройдя в ванную комнату, я не стала включать теплый свет. Набрала в пригоршни ледяную, обжигающую воду из-под крана и плеснула в лицо раз, другой, третий. Вода смыла остатки соленой сухости со щек, заставила кожу гореть. Зеркало над раковиной отразило немолодую женщину с побледневшим, заострившимся лицом. Но в глазах этой женщины больше не было ни паники, ни испуга, ни жалкой надежды на чудо. Там осталась только спокойная, безжалостная к самой себе трезвость.

Вытерев лицо жестким белым полотенцем с вышитым вензелем отеля, я вернулась в комнату.

Гостиница была оплачена еще на две ночи. Этого времени должно хватить. Я села за небольшой письменный стол, придвинула к себе планшет и открыла агрегатор по поиску недвижимости.

Мне больше не нужны были панорамные виды на городскую суету с высоты птичьего полета. Мне не нужен был отфильтрованный умными системами воздух и молчаливые элитные соседи в лифте.

Мои пальцы быстро выставили нужные параметры поиска: долгосрочная аренда, старый кирпичный фонд, окна в тихий двор. И самое главное условие. Строго первый этаж.

Пришло время спуститься с небес и почувствовать под ногами настоящую, твердую землю. Заземлиться. Построить себя заново там, где нет фундамента, готового обрушиться в любую секунду от чужой слабости.

Глава 6. Первый этаж

На двадцать пятом этаже никогда не бывает оконных решеток. Там, наверху, от внешнего, живого мира тебя защищает только толстое панорамное стекло и постоянный, гудящий ураганный ветер, бьющий в фасад здания. А здесь, на земле, мир начинается прямо за чугунным узором окна.

Оплаченные три дня в стерильном, безликом номере бизнес-отеля закончились сегодня утром. Я стояла посреди чужой тесной прихожей, глядя на свои два синих кофра из поликарбоната. Грузчики уехали пять минут назад, оставив после себя на старом линолеуме влажные следы от рабочих ботинок. Квартира, которую я вчера сняла через агента, находилась на первом этаже крепкого кирпичного дома старого фонда.

Здесь пахло чужой, давно осевшей жизнью. Запах пыльного дубового паркета, впитавшего десятилетия мытья с хозяйственным мылом, легкая, тянущая из подвала сырость и едва уловимый аромат сушеной лаванды, оставшийся от прежних владельцев. Солнце сюда почти не пробивалось из-за густых, тяжелых ветвей старых кленов, растущих прямо под окнами. В комнатах стоял вечный, мягкий полумрак. Никакого ровного, искусственного гула элитного климат-контроля. Вместо него акустика первого этажа приносила в дом звуки с улицы: монотонный шорох метлы дворника, сгребającego мокрые октябрьские листья, хлопок дверцы чьей-то машины, отдаленный гул водопроводных труб за стеной.

Я медленно сняла свое демисезонное пальто, повесила его на шаткую деревянную вешалку. Суставы коленей и поясница привычно заныли. Эта сухая, тянущая боль была не от болезни, а от колоссального напряжения последних дней и трех ночей на жестком гостиничном матрасе. Физическое тело, лишенное привычного комфорта, требовало отдыха, но адреналин в крови еще не улегся до конца, заставляя мышцы спины оставаться в состоянии натянутой басовой струны.

Я не стала садиться на диван, чтобы театрально заламывать руки или жалеть себя. Взрослые женщины, привыкшие к дисциплине, не позволяют себе распадаться на части до тех пор, пока не будет организован быт. Я подкатила чемоданы к громоздкому платяному шкафу в спальне и начала методично разбирать вещи.

Мои кашемировые свитеры, строгие брюки, концертное синее платье ложились на полки, застеленные старой бумагой. В этом скрипучем шкафу не было деревянных кедровых формодержателей для обуви и умной подсветки, как в гардеробной Назара. Это была простая, грубая мебель, созданная для того, чтобы просто хранить одежду, а не демонстрировать статус.

Закончив с вещами, я взяла тяжелую кожаную сумку и прошла на кухню. По пути от станции метро я зашла в обычный сетевой супермаркет. Я никогда не была беспомощной содержанкой, падающей в обморок при виде пустых полок холодильника. Мои руки десятилетиями умели не только перебирать нейлоновые струны, но и чистить овощи, лепить идеальные пельмени для мужа и варить бульоны.

Я выложила на стол, покрытый простенькой клеенкой с геометрическим узором, шуршащий пластиковый пакет. Пакет молока, десяток яиц, кусок сливочного масла, килограмм гречневой крупы, упаковка хорошего черного чая и пара яблок. Самый простой, базовый набор, чтобы пережить первые дни без походов в ресторан или унижительного ожидания доставки курьером.

На дне сумки лежала она - моя старая ручная кофемолка с надколотой чугунной ручкой. Я достала ее и бережно поставила в самый центр стола. В этой полутемной кухне со старым гарнитуром она смотрелась на своем месте, словно всегда здесь стояла, в отличие от тогосияющего швейцарского автомата, который остался на двадцать пятом этаже.

Нужно было поесть. Я достала из шкафчика небольшую кастрюлю, налила воды. Подошла к газовой плите. Никаких сенсорных панелей и умного розжига. Я достала из кармана куртки коробок спичек, купленный на кассе супермаркета. Чиркнула шершавой головкой о боковину коробка. В нос ударил резкий, специфический запах серы. Огонек вспыхнул, конфорка отозвалась мягким, сытым шипением голубого пламени. Я поставила воду для яиц и отрезала ломоть хлеба.

Но когда еда была готова и я села за стол, мой организм наотрез отказался принимать пищу. Кортизол, переполнявший кровь после вчерашнего телефонного разговора с Назаром, намертво стянул желудок. Я смотрела на еду, и она казалась мне куском прессованного картона.

В ушах до сих пор, словно заезженная пластинка, звучал его хрипловатый, абсолютно уверенный голос. Его смета моего сорокалетнего брака. "Я перевел тебе хорошую сумму. Закажешь себе нового немца из салона. Попьешь воды в Карловых Варах. А когда вернешься - все будет по-старому".

Он не понимал. Искренне, до глубины своей прагматичной души не понимал, что именно он разрушил. Для него это была просто досадная производственная авария, которую можно было устранить, выписав жене щедрую компенсацию за моральный ущерб. От этого становилось по-настоящему холодно. Холодно оттого, что я сорок лет делила постель с человеком, который так и не увидел во мне живую женщину, оценив мою верность в стоимость хорошего внедорожника.

Я отодвинула тарелку и просто налила себе горячего чая в фаянсовую кружку, найденную в недрах сушилки. Я обхватила кружку замерзшими пальцами, впитывая спасительное тепло сквозь тонкий фарфор.

Именно в этот момент тишину старой квартиры распорол резкий, почти механический звонок в дверь. Он дребезжал так громко, что я невольно вздрогнула. Это не был мелодичный электронный перелив нашего пентхауса. Это был грубый звук из советского прошлого.

Я нахмурилась, оставила кружку на столе и прошла в прихожую. Глазок в обитой темным дерматином двери был мутным, но фигуру по ту сторону я узнала мгновенно.

Я отщелкнула старый замок. На пороге стояла Татьяна - моя коллега по музыкальной школе, преподаватель класса виолончели.

Она ворвалась в квартиру, как октябрьский шквал, принося с собой запах влажной листвы, дорогого терпкого парфюма и табачного дыма. На Татьяне было накинуто тяжелое объемное пальто графитового цвета, шею плотно облегал крупной вязки шарф. В свои шестьдесят два года, пережив три официальных развода и с десятков бурных романов, она сохранила ту самую язвительную, хищную энергию, которая заставляла мужчин оглядываться ей вслед, а учеников - трепетать на зачетах.

- Так, София Иосифовна, - с порога заявила она, скидывая тяжелые ботинки прямо на грязный линолеум, не дожидаясь приглашения. - Директор школы сегодня час выпрашивал у меня, почему наш лучший педагог берет отгулы посреди четверти. А потом секретарь проговорила, что ты сменила адрес в личном деле. Я взяла такси и приехала.

Она всучила мне свой зонт, с которого капала холодная вода, и прошла прямо на кухню. В одной руке она держала пузатую бутылку хорошего армянского коньяка, в другой - крафтовый пакет из дорогой сырной лавки.

Я молча повесила ее пальто на вешалку и пошла следом. Татьяна стояла посреди моей новой кухни, критически оглядывая выцветшие обои, решетки за окном и древнюю газовую колонку над раковиной. На ее лице не было ни капли бабьей жалости, никаких снисходительных вздохов в стиле "ах, как же ты теперь будешь". Она была профессиональным музыкантом и смотрела на мир с такой же безжалостной ясностью, с какой читала сложную партитуру.

- Высоко же ты летела, Иосифовна, раз так жестко приземлилась, - констатировала Татьяна, ставя бутылку на стол рядом с моей старой кофемолкой. Ее взгляд скользнул по нетро-

нугому ужину. - Желудок встал? Знакомо. Ничего, сейчас мы этот кортизоловый ком растворим. Доставай тару.

Я открыла подвесной шкафчик и достала две разномастные стеклянные рюмки на толстых ножках - все, что осталось от предыдущих жильцов. Татьяна ловко свернула пробку, и по кухне поплыл густой аромат выдержанного алкоголя и дубовой бочки.

Она налила коньяк, подвинула одну рюмку мне, вторую взяла сама.

- Пей. Как лекарство, - приказала она. - Без тостов.

Я послушно поднесла стекло к губам. Янтарная жидкость обожгла язык, огненным комом прокатилась по пищеводу и тяжело упала в пустой желудок. Через несколько секунд внутри начало разливаться тепло. Спазм, стягивающий мышцы спины весь день, немного ослаб. Я выдохнула, садясь на жесткий деревянный табурет.

Татьяна разорвала крафтовый пакет, вытащила кусок твердого сыра, отломила кусок пальцами и бросила в рот.

- Ну? - она уперлась руками в стол, глядя на меня в упор своими цепкими, подведенными черным карандашом глазами. - Выкладывай. И не вздумай мне тут изображать ледяную королеву. Я тебя тридцать лет знаю. Что этот твой бог высоты учудил? Инсульт инсультом, но ты бы от больного мужа в хрущевку не сбежала. Бабу нашла?

Я обхватила пустую рюмку пальцами. Говорить было трудно, слова казались сухими, неповоротливыми камнями. Но присутствие Татьяны, ее грубая, заземляющая энергия требовали честности.

- Хуже, Таня, - мой голос прозвучал глухо. Я посмотрела на темнеющее за решеткой окна небо. - Я не находила чужих волос в кровати. У него на стройке случился микроинсульт. Я примчалась в реанимацию. И в коридоре встретила женщину в строительной каске. Ей сорок два. И она махала перед лицом хирурга генеральной медицинской доверенностью от Назара. Он доверил ей право отключать его от аппаратов. Понимаешь? Он отдал ей свою жизнь и смерть. А меня оставил заведовать химчисткой его костюмов.

Татьяна перестала жевать. Она медленно поставила свою рюмку на стол. В ее глазах не было удивления, только глубокое, почти мужское понимание механики процесса.

- А он что говорит? - спросила она тихо.

Я горько, коротко усмехнулась.

- Он звонил мне вчера утром. Из палаты. Предложил сделку. Сказал, что ему шестьдесят семь, у него давление, и эта женщина - просто его искра, его адреналин, чтобы тянуть нашу семью дальше. Сказал, что я - его фундамент, и он не собирается рушить дом. Перевел мне на карту огромную сумму. На новый немецкий внедорожник и месяц в Карловых Варах. Оценил мою жизнь в машину и санаторий.

- И ты? - Татьяна прищурилась, постукивая ногтем по стеклу рюмки.

- А я вернула перевод обратно в банк и заблокировала его номер. Я не беру чаевых за ампутацию сорока лет брака.

Я замолчала. На кухне повисла тяжелая тишина, нарушаемая лишь мерным тиканьем старых настенных часов. Я ждала от Татьяны сочувствия. Ждала, что она начнет возмущаться, называть Назара негодяем, предателем, кричать о разрушенной святости брака.

Но Татьяна поступила иначе. Она взяла бутылку, плеснула нам еще по половине рюмки, выпила свою одним резким глотком и жестко припечатала дном по столу.

- Сонька, прекрати, - ее голос прозвучал как удар хлыста. - Немедленно перестань искать здесь шекспировскую драму и делать из него злого гения, а из себя - великую мученицу.

Я вскинула голову, чувствуя, как внутри вспыхивает холодная обида.

- Что прекратить?

- Иллюзии свои прекрати строить! - Татьяна наклонилась ко мне через стол, ее глаза сузились. - Твой Назар не околдован коварной разлучницей. Он не демон и не расчетливый манипулятор. Он просто уставший, стареющий мужик, у которого от страха перед могилой и тонометром зачесалось эго. Пойми ты физику процесса! Он чувствует, что тело сдает. Он боится стать импотентом и инвалидом. И эта его инженерша в каске - просто биологический костыль. Способ доказать самому себе, что у него еще все работает, что он еще мужик.

Она ткнула пальцем с безупречным бордовым маникюром в клеенку.

- А тебя он попытался откупить машиной не потому, что ты дешево стоишь. А потому, что ты для него - удобный, дорогой, статусный диван в его идеальной гостиной, к которому он привык за сорок лет. Выкидывать жалко, менять уклад жизни лень, проще заплатить реставратору, чтобы замазал трещины. Он берег не тебя, Сонь. Он берег свой собственный, выстроенный комфорт. И он искренне не понимает, почему диван вдруг встал на ножки и ушел из квартиры.

Ее слова были грубыми, циничными, лишенными всякой романтической оболочки. Они били наотмашь, без наркоза вскрывая саму суть моего брака.

Но парадоксальным образом именно эта хирургическая, безжалостная честность внешне принесла мне колоссальное облегчение. С Назара словно сдернули его непробиваемый, бронзовый панцирь "каменной стены". Мой муж перестал казаться мне вершителем судеб, богом высоты, который великодушно позволял мне жить в его тени. Он предстал передо мной таким, каким был на самом деле - обычным, уязвимым, эгоистичным и трусоватым перед лицом собственной старости человеком.

Я сделала глубокий вдох. Воздух старой квартиры, пахнувший пылью и коньяком, наполнил легкие. Мышцы грудной клетки расслабились. Иллюзия рухнула окончательно, но теперь под ногами была абсолютно твердая, лишенная обмана земля.

- Ты права, Таня, - я медленно выпила свой коньяк, чувствуя, как уходит дрожь из рук. - Я больше не работаю дорогим декором.

- Вот и умница, - Татьяна удовлетворенно кивнула, откидываясь на спинку стула. В ее голосе снова зазвучали привычные, легкие нотки. - Завтра выходишь на работу. У тебя через две недели отчетный концерт учеников, а ты тут в депрессию играешь. И платье себе купи нормальное. Не эти твои футляры для виолончели, а что-то, в чем можно дышать.

Мы просидели еще час. Говорили о школе, о бестолковых учениках, о партитурах. Татьяна не задавала вопросов о деньгах или планах на жизнь, понимая, что мне нужно время, чтобы просто привыкнуть к новому акустическому пространству моей реальности.

Когда за окном окончательно стемнело и двор погрузился в густую осеннюю ночь, Татьяна засобиралась.

Она накинула свое тяжелое пальто в прихожей, намотала шарф. Я стояла, прислонившись плечом к косяку двери, чувствуя приятную, гудящую тяжесть в ногах после алкоголя и долгого разговора.

- Спасибо тебе, - сказала я тихо. - За то, что не стала жалеть.

- Жалость оставляй для тех, кто умер. А мы еще поскрипим, - она взяла свой влажный зонт и уже взялась за ручку старого замка, но вдруг замерла. Обернулась и посмотрела на меня очень серьезно. - Сонь. А Альбина-то в курсе? Ты дочери звонила?

Мое сердце тяжело ухнуло вниз, пропустив удар. Я инстинктивно отвела взгляд от цепких глаз подруги.

- Нет. Еще нет.

- Зря, - Татьяна коротко вздохнула. - Они с мужем там, в своем Мюнхене, сильно от Назаровых переводов зависят. Ох, Сонька, готовься. Этот фронт будет потяжелее измен. Спокойной ночи.

Она шагнула за порог, и я закрыла за ней обитую дерматином дверь.

В квартире снова воцарилась тишина. Но теперь она не давила. Она просто была. Я прислонилась затылком к прохладной поверхности двери и посмотрела на полированную тумбочку в углу прихожей. Там, тускло поблескивая черным стеклом экрана в свете единственной лампочки, лежал мой мобильный телефон.

Я знала, что Татьяна абсолютно права. Я подсознательно оттягивала этот момент все три дня, прячась за суетой с переездом и шоком от предательства мужа. Но завтра утром мне придется взять этот телефон в руки. Мне придется совершить этот звонок своей единственной дочери. Звонок, который я боялась сделать больше всего на свете.

Глава 7. Предательство крови

- Да, мам? - голос Альбины прозвучал из динамика смартфона с той легкой, запыхавшейся деловитостью, которая всегда отличала успешных женщин, виртуозно жонглирующих карьерой и материнством.

На заднем фоне, сквозь плотный цифровой фильтр аудиосвязи, пробивался типичный утренний хаос благополучной мюнхенской квартиры: ровное гудение дорогой швейцарской кофемашины, резкий хлопок дверцы холодильника, недовольное бормотание моего девятилетнего внука Лео на беглом немецком. Мир моей дочери функционировал на высоких скоростях, без сбоев и заминок.

- У нас тут небольшой дурдом, - продолжала Альбина, не дожидаясь моего ответа. - Мартин, ключи от машины на комод, я же просила! Мам, что-то срочное? Ты же знаешь, у нас разница во времени, я только детей в школу выпихиваю. Ты никогда не звонишь в такую рань.

Я сидела за столом на своей новой кухне первого этажа, положив телефон перед собой на выцветшую клеенку с потертым геометрическим узором. На мне уже была надета плотная белая блузка и строгий темный жакет для работы. Волосы стянуты в привычный, тугий академический узел на затылке. Я была полностью готова к выходу в люди, но внутри, под этой выверенной годами тканью, все замерло в тяжелом, вязком ожидании.

Я не звонила ей все эти дни, подсознательно оттягивая момент. Берегла ее или себя? Скорее, себя. В глубине души я, конечно, понимала, что этот разговор не будет простым, но материнский инстинкт упрямо рисовал мне иллюзию того, что мой единственный ребенок станет моей безусловной опорой. Той самой тихой гаванью, где мне не нужно будет держать спину идеально прямой и делать вид, что ничего не произошло.

- Здравствуй, Аля. Извини, что отвлекаю утром, - мой голос прозвучал на удивление ровно. Сухо и функционально, как заученный дикторский текст. - Мне нужно сообщить тебе о Назаре. Об отце.

Шум на том конце провода мгновенно стих. Я услышала, как Альбина приглушенно, но резко скомандовала сыну идти в коридор и надевать куртку, а затем раздался щелчок закрываемой межкомнатной двери. Она изолировала себя от семьи, безошибочно считав мою интонацию.

- Что с папой? - ее тон мгновенно заострился, в нем прорезался тот самый животный, искренний испуг, на который способен только ребенок, услышавший плохие новости о родителе. - Мама, не тяни. Сердце? Авария на стройке?

- Микроинсульт. Это случилось прямо на смене, в кабине крана, несколько дней назад.

Я услышала ее резкий, судорожный вдох.

- Боже мой... - выдохнула Альбина. Послышался шорох, словно она тяжело опустилась на стул или прислонилась спиной к стене. - Как он? Где он сейчас? Мне брать билеты на ближайший рейс? Господи, я же тысячу раз говорила ему, что нельзя в шестьдесят семь лет лезть на эту верхокруту в любую погоду... Что говорят врачи? Есть паралич?

- Угрозы жизни нет. Гемодинамика стабильная. Пострадала левая сторона, в первые часы немного путалась речь, но сейчас он в платной палате, идет на поправку. Хирурги дают хорошие прогнозы, если он будет соблюдать режим и пройдет реабилитацию.

В динамике повисла пауза, наполненная прерывистым, глубоким дыханием дочери. Я физически чувствовала, как там, за тысячи километров от меня, в ее светлой европейской спальне, спадает кортизоловое напряжение. Она жива, ее отец жив, катастрофы не произошло, система устояла. Эта нормальная, человеческая реакция дала мне короткую, иллюзорную передышку. Я прикрыла глаза, концентрируюсь на звуке ее дыхания.

- Фух... Мам, ты меня чуть до инфаркта не довела своим замогильным тоном, - голос Альбины снова начал обретать привычную, уверенную твердость. - Слава богу. Я прямо сейчас переведу тебе деньги на карту, найми ему лучшую круглосуточную сиделку в клинику. Чтобы ты сама там не дежурила на жестком стуле сутками, тебе тоже отдых нужен. Я вечером ему позвоню по видеосвязи, когда он выпится. Ты-то сама как держишься?

Я посмотрела за окно. Густые ветви старого клена, растущего в метре от стекла, тяжело покачивались под порывами сырого октябрьского ветра. Свет в моей новой кухне был тусклым, серым, абсолютно земным. Никакого слепящего солнца двадцать пятого этажа.

- Я не дежурю у его постели, Аля. И сиделку нанимать не буду, - слова давались мне тяжело, они словно царапали пересохшую гортань. Я сцепила руки в замок на коленях, спрятав их под столом. - Я ушла от отца. Меня там больше нет.

- В смысле - ушла? - дочь запнулась на полуслове, потеряв мысль. - Ты поехала домой переодеться? Мам, я не понимаю. Что значит - тебя там больше нет?

- Это значит, что я собрала свои вещи из пентхауса и переехала на съемную квартиру. Я подаю на развод.

Если бы я в этот момент ударила тяжелым камнем по стеклу, звук был бы менее оглушительным, чем та тишина, которая повисла в трубке. Секунды текли медленно, вязко, как густая смола. Я слышала только слабое, ритмичное цифровое шипение междугородней связи.

- Мама. Объясни мне, что происходит, - в голосе Альбины больше не было ни испуга за здоровье отца, ни дочернего облегчения. Там появился холодный, жесткий металл человека, у которого на глазах рушат его личную, комфортную и тщательно выстроенную картину мира. - Какой развод? Папа в больнице после инсульта. У тебя на фоне стресса нервный срыв?

- У меня абсолютная, кристальная ясность, - я сделала медленный вдох, наполняя легкие воздухом, пахнувшим старым деревом и чужим бытом. - Когда я примчалась в реанимацию в тот день, в коридоре стояла женщина. Ее зовут Эльвира, ей сорок два года. Она инженер с его объекта. И у нее в руках была генеральная медицинская доверенность от твоего отца. Нотариально заверенная полгода назад. Он передал чужой женщине право принимать все медицинские решения, если с ним что-то случится. Право отключать его от аппаратов. Они вместе уже три года.

Я замолчала, давая ей возможность переварить эту информацию. Я ждала, что сейчас она ахнет. Ждала, что ее женская солидарность возмутится этой грязной, унижительной правдой. Ждала, что она скажет: "Мама, какой ужас, как он мог с тобой так поступить?".

Но Альбина молчала. А когда заговорила, ее слова ударили меня наотмашь, точнее и больше любой пощечины.

- И что?

Два коротких слова. Они зависли в воздухе моей тесной кухни, как ядовитая, невидимая пыль.

- Что значит - и что? - переспросила я, искренне не веря собственным ушам.

- Мама, ну ты же взрослая, мудрая женщина, - Альбина заговорила быстро, с агрессивным напором, и в ее чеканных интонациях я с ужасающей, тошнотворной ясностью услышала манеру Назара. - Отцу под семьдесят. Он всю жизнь вкалывает как проклятый на этих своих ветровых нагрузках. У него стресс, гипертония, возрастные комплексы и страх смерти. Какая-то молодая баба на стройке вскружила ему голову, дала почувствовать себя живым мужиком. Ну оформил он эту дурацкую бумажку в приступе ипохондрии, чтобы не казаться слабым перед тобой, ну и хрен с ней! Это же просто блажь. Ты понимаешь, что ты сейчас делаешь?

Я молчала. Гортань стянуло так туго, что я не могла сглотнуть. Мой собственный ребенок, моя плоть и кровь, только что смахнула сорок лет моего брака, мою лебединую верность и мое тотальное унижение в категорию "возрастной блажи", ради которой не стоит портить общую семейную картину.

- Куда ты пошла? В какую съемную квартиру? - голос дочери становился все более раздраженным, в нем появились злые, обвиняющие нотки. - Ты хочешь на старости лет по чужим углам мыкаться из-за уязвленного эго? Мам, кому нужен этот цирк? У вас огромная элитная квартира, у вас налаженный, идеальный быт. Папа тебя обеспечивает от и до, ты как за каменной стеной!

- Зато я знаю, сколько на самом деле стоит мое достоинство, - мой голос прозвучал глухо, словно из-под толщи воды.

- Твое достоинство?! - Альбина почти сорвалась на крик. На фоне снова хлопнула дверь, видимо, Мартин позвал ее, но она грубо отмахнулась. - А о нас ты подумала? О своих внуках ты подумала со своим раздутым достоинством?!

Я замерла. Внутри меня словно повернулся тяжелый, ржавый ключ, намертво запирая ту потайную дверь, за которой еще теплилась жалкая надежда на материнское утешение.

- При чем здесь твои дети, Аля?

- При том! - дочь тяжело и зло дышала в трубку. - Папа закрывает нам треть нашей ипотеки здесь, в Мюнхене. Папа полностью оплачивает частную школу Лео и дорогостоящие занятия Анны с репетиторами. Мы с Мартином не потянем этот уровень жизни сами, ты же прекрасно знаешь европейские налоги! Если вы сейчас начнете разводиться... Если вы начнете через суды пилить имущество и банковские счета... Папа упрется. Он из принципа перекроет нам кислород.

Она сделала короткую паузу, видимо, испугавшись собственной откровенности, но прагматизм, унаследованный от отца, мгновенно взял верх над тактом.

- Мама, ты понимаешь, что он сделает назло? У него сейчас крыша поедет от страха стать инвалидом, и он все свои активы, обе квартиры переписшет на эту хваткую инженершу! Или на клиники и сиделок! Ты оставишь нас без гроша, без законного наследства только из-за того, что не захотела закрыть глаза на банальную интрижку!

Я сидела абсолютно неподвижно. Смотрела на гладкую, холодную поверхность стола. В женских романах пишут, что в такие моменты сердце разбивается вдребезги, а из груди рвется стон. Это красивая ложь. Настоящее сердце в такие минуты просто превращается в кусок сухого, бесчувственного льда, который замедляет свой ритм, чтобы организм мог выдержать болевой шок.

Моя дочь не была монстром. Она не была хрестоматийной злодейкой. Она была просто качественным, стопроцентным продуктом той среды, того идеального, фасадного мира, который мы с Назаром для нее создали. Мы сами научили ее ценить финансовый комфорт выше искренности. Мы приучили ее к мысли, что за всё в этой жизни платит сильный мужчина, а женщина должна уметь вовремя подстраиваться, чтобы не лишиться премиальной кредитной карты.

Альбина не жалела преданную мать. Альбина была в животном ужасе от того, что комфортный, бесперебойный трастовый фонд под названием "мои родители" внезапно дал глубокую трещину. И финансирование ее респектабельной жизни оказалось под угрозой. Я была для нее не живым человеком, которому сейчас невыносимо, до тошноты больно. Я была просто взбунтовавшимся, глупым администратором, который самовольно покинул свой рабочий пост у семейного сейфа.

- Мам, ты меня слышишь? - тон дочери немного смягчился, перейдя в снисходительно-уговаривающий регистр. Так разговаривают с капризными пациентами в санаториях. - Пожалуйста, давай без резких движений. Возвращайся домой. Завтра купи цветы, поезжай в клинику, сядь около него. Застолби свое место жены. Выгони эту бабу, пока она его окончательно не окрутила. Покажи отцу, что ты с ним, что ты его семья. А когда он выпишется - выставишь ему свои условия. Он купит тебе все, что захочешь, поверь мне.

Я медленно закрыла глаза. Мой муж три дня назад предложил мне за молчание новый немецкий внедорожник и поездку на европейский курорт. Моя дочь только что предложила мне поработать вышивалой у больничной койки ради сохранения наследственной массы. Смета моего брака была составлена, проверена аудиторами и окончательно утверждена на семейном совете. Меня оценили, взвесили и выставили мне счет.

- Ты так похожа на своего отца, Альбина, - произнесла я. В моем голосе не было ни гнева, ни горечи. Только констатация факта. Трезвая, пугающая, как медицинский диагноз.

- При чем тут... Мам, я говорю тебе, как выжить в этой ситуации без финансовых потерь!

- У меня больше нет потерь, Аля. Потому что у меня ничего не осталось.

Я открыла глаза и посмотрела на старые настенные часы над кухонной дверью. До выхода на работу оставалось двадцать минут.

- Мама, прекрати драматизировать! - дочь снова начала выходить из себя. - Я звоню отцу вечером. Я надеюсь, что к этому времени ты успокоишься, выпьешь успокоительное и вернешься в нормальную квартиру. Не заставляй меня выбирать сторону!

- Тебе не нужно выбирать, - я медленно потянулась к телефону. Мои подушечки пальцев коснулись прохладного стекла экрана. - Ты свой выбор уже сделала. Я позвонила только для того, чтобы ты знала о здоровье отца из первых рук. Дальше справляйся о нем сама. И запомни одну вещь, дочка.

- Какую? - настороженно спросила она.

- Моя жизнь - это не сейф для твоего наследства. Прощай.

Я нажала на красную кнопку.

Короткий цифровой писк обрубил связь. Голоса, утренний фоновый шум Мюнхена, тяжелое давление чужого прагматизма - все это мгновенно исчезло. Кухня первого этажа снова наполнилась своей привычной, густой акустикой. Где-то за кирпичной стеной глухо зашумела вода в водопроводных трубах. На улице мерно, успокаивающе шоркала по асфальту метла дворника.

Я не стала вносить номер Альбины в черный список. В этом был бы привкус подростковой, демонстративной истерики, а я не играла в игры. Я просто отложила телефон на другой край стола, как откладывают в сторону красивую, но совершенно бесполезную вещь, которая больше не имеет никакого значения.

Я осталась одна. Абсолютно, тотально, экзистенциально одна.

У меня не было дома, который я могла бы по праву назвать своим. У меня не было мужа, который на поверку оказался трусливым чужаком с тайной жизнью. И теперь у меня не было дочери, потому что вместо своего ребенка я только что поговорила с безжалостным финансовым директором моего рухнувшего брака.

Я сидела с идеально прямой спиной, глядя перед собой на пустую чашку. Воздух в кухне казался плотным, тяжелым, его было физически трудно вдыхать. Никаких слез не было. Кортизол, этот древний гормон стресса, который природа придумала для того, чтобы заставить животное бежать от хищника, сейчас колоссальной, обжигающей волной затапливал мою кровеносную систему. Но мне некуда было бежать.

Я опустила взгляд на свои руки, спокойно лежащие на темной шерстяной ткани жакета.

Моя правая рука - та самая рука, которая сорок лет назад извлекала чистейшие, сильные звуки из жестких басовых струн концертной арфы, та самая рука, которая гладила рубашки Назара и заплетала косы маленькой Альбине.

Она дрожала.

Это было легкое, едва заметное глазу, но физически неотвязное движение. Указательный и средний пальцы - главные рабочие инструменты любого арфиста - мелко, ритмично вибрировали против моей воли. Я с силой сжала ладонь в кулак, до побеления костяшек впиваясь

аккуратно подстриженными ногтями в ладонь. Поддержала так несколько секунд, затаив дыхание. Разжала.

Тремор не исчез. Пальцы продолжали мелко подрагивать, словно по нервным окончаниям пропускали слабый, непрерывный электрический ток. Это не была старческая слабость или болезнь. Это был прямой физиологический ответ моего тела на ту звенящую пустоту, которая только что образовалась вокруг меня. Тело, лишенное привычного, выстраиваемого десятилетиями фундамента, пыталось найти баланс, вибрируя, как перетянутая, готовая лопнуть струна.

Я безотрывно смотрела на свои дрожащие пальцы, понимая, что сегодня у меня по расписанию пять академических часов. Пять раз мне нужно будет сесть за тяжелый инструмент, показать детям правильную постановку кисти, оттянуть жесткий нейлон и извлечь чистый, ровный звук.

Я медленно поднялась из-за стола. Колени отозвались привычной сухой болью. Я взяла свою кожаную сумку, даже не взглянув на лежащий в стороне телефон, и пошла в прихожую. Жизнь не остановилась. Гравитация жестко, бескомпромиссно держала меня на ногах, и теперь мне предстояло научиться ходить по этой твердой земле заново. С дрожащими руками, без страховки фасадов, но абсолютно свободной.

Глава 8. Тремор

Дробный, жесткий перестук стальных колес старого трамвая странным образом совпадал с пульсацией где-то в районе моего правого запястья. Я стояла на задней площадке вагона, плотно зажав в левой руке кожаный ремешок сумки, а правой вцепившись в холодный, ребристый металл вертикального поручня. Октябрьский город за мутными, заляпанными грязью окнами казался серым, бесконечным и равнодушным.

В салоне пахло влажной шерстью чужих пальто, остывшим кофе из бумажных стаканчиков и той специфической, кисловатой сыростью, которая всегда сопровождает утренний час пик глубокой осенью. Никакого климат-контроля, никакого изолированного от внешнего мира пространства с мягкими кожаными сиденьями и подогревом, к которому я привыкла за годы комфортного брака. Земля диктовала свои суровые правила, и сегодня я перемещалась по ней вместе с десятками других уставших людей, которым не было абсолютно никакого дела до моей прямой академической спины.

Я безотрывно смотрела на свою правую руку, обхватившую поручень.

Указательный и средний пальцы - мои главные рабочие инструменты, выученные десятилетиями извлекать чистейший звук из жесткого нейлона - мелко, безостановочно вибрировали. Эта дрожь зародилась еще там, на моей новой тесной кухне, сразу после того, как в трубке оборвался голос Альбины, перечеркнувший мое материнство холодной финансовой сметой. Я пыталась унять этот тремор силой воли. Сжимала поручень так, что костяшки побелели, а под тонкой кожей проступила голубая паутина вен. Но тело наотрез отказывалось мне подчиняться.

Это не была болезнь. Это была чистая, безжалостная физиология. Мой организм, который вчера лишили фундамента, а сегодня утром отсекали от единственного ребенка, оказался переполнен кортизолом. Древний гормон стресса требовал бежать, он сжигал мышцы изнутри, а абсолютно пустой желудок - я так и не смогла заставить себя проглотить ни крошки со вчерашнего дня - только усугублял ситуацию. Дрожь была естественным, почти механическим сбросом колоссального напряжения, которое я не позволяла себе выплеснуть в слезах.

Трамвай дернулся, тяжело тормозя на остановке. Пневматика дверей недовольно зашипела, выпуская меня на влажный, усыпанный гниющими листьями асфальт.

До здания элитной музыкальной школы оставалось пройти около двухсот метров по кленовой аллее. Я шла медленно, концентрируясь на том, как невысокие каблуки стучат по твердому покрытию. Резкий порыв ветра забрался под воротник моего демисезонного пальто, обжигая шею, но я не ускоряла шаг. Мне нужно было заземлиться. Собрать себя по частям, выстроить разрушенные несущие конструкции внутри грудной клетки до того, как я переступлю порог.

Тяжелая дубовая дверь с массивной латунной ручкой поддалась с привычным, глухим скрипом. Как только я оказалась внутри, акустика мира мгновенно изменилась. Гул городского трафика остался на улице, уступив место выверенной, приглушенной тишине высоких коридоров старого особняка. Здесь пахло нагретым паркетом, старой мастикой, дорогой типографской краской нотных тетрадей и канифолью. Откуда-то со второго этажа доносились тягучие, низкие звуки виолончели - кто-то из учеников Татьяны уже разыгрывался перед занятиями.

- София Иосифовна, доброе утро, - из бокового коридора вынырнула Анна Павловна, наш завуч.

Женщина с неизменно уставшим лицом остановилась, перекладывая кипу каких-то ведомостей из одной руки в другую. В ее взгляде читалось профессиональное, цепкое любопытство. Директор наверняка уже обсуждал с ней мое внезапное исчезновение посреди учебной четверти.

- Доброе утро, Анна Павловна, - мой голос прозвучал абсолютно ровно. Безупречно.

- Мы вас заждались. У вас сегодня плотное расписание. Директор спрашивал, все ли у вас в порядке с адресом... в личном деле были изменения.

- Произошли некоторые бытовые перестановки. Ничего, что могло бы отразиться на учебном процессе, - я ответила вежливо, но с той ледяной, окончательной интонацией, которая не предполагала дальнейших расспросов.

Мышечная память, выработанная тридцатилетним стажем, сработала как идеальная броня. Моя спина выпрямилась сама собой, подбородок чуть приподнялся. Никто в этих стенах не должен был заметить трещины на моем фасаде. Школа всегда была моим личным, неприкосновенным храмом. Местом, где действовали строгие законы музыкальной гармонии, где не было хаоса измен и предательств, где я полностью контролировала процесс.

Я дошла до своего кабинета в самом конце коридора, кивнув по пути еще паре коллег. Стянула с плеч пальто, повесила его на вешалку в нише. Достала из сумки связку ключей. Теперь на металлическом кольце болтался только один этот ключ - маленький, потертый, лишенный соседства с тяжелой магнитной таблеткой от пентхауса Назара.

Щелчок замка показался слишком громким в утренней тишине. Я вошла в просторный, светлый класс, заперла за собой дверь изнутри на поворотную задвижку и на секунду прислонилась к деревянному косяку, прикрыв глаза.

В центре кабинета, на специальном невысоком подиуме, возвышалась она. Моя рабочая концертная арфа. Тяжелая колонна из массива клена, сложная механика латунных педалей в основании и туго натянутые сорок семь струн, уходящие вверх, к изящной колковой раме. Инструмент весил почти сорок килограммов. Он был буквальным, физическим воплощением напряжения. Чтобы деревянный корпус не сложился внутрь под колоссальным давлением натянутых жил - а это тысячи килограммов совокупной силы - требовался идеальный математический расчет и абсолютная прочность конструкции.

Я открыла глаза, прошла к своему столу и села в глубокое кресло. До первого урока оставалось семь минут. Я положила руки на колени, расправляя темную ткань жакета.

Правая кисть продолжала мелко, противно вибрировать. Я накрыла ее левой ладонью, с силой впиваясь пальцами в собственную кожу, пытаясь зафиксировать дрожащие суставы.

В дверь дернули, затем коротко, без особого уважения постучали. Я щелкнула задвижкой, и в класс вперевалку шагнул Артур.

Ему было четырнадцать лет. Сын кого-то из городского строительного руководства, мальчик с надменным, скучающим взглядом, последней моделью смарт-часов на запястье и кроссовками, стоимость которых превышала мою месячную зарплату. Он ходил на арфу не потому, что любил музыку или чувствовал инструмент. Это была банальная статусная блажь его матери, считавшей, что владение редким аристократичным инструментом добавит правильных строчек в его будущее портфолио для поступления в европейский вуз.

- Здравствуйте, - бросил он на ходу, скидывая тяжелый кожаный рюкзак прямо на стул у стены.

- Здравствуй, Артур. Садись за инструмент. Начинаем с гамм, затем переходим к этюду Дебюсси. Вымой руки, пожалуйста.

Мальчик тяжело вздохнул, прошел к раковине в углу класса, наскоро сполоснул пальцы и нехотя поплелся к арфе. Он уселся на банкетку, не потрудившись даже отрегулировать ее высоту под свой рост. Прислонил тяжелый инструмент к правому плечу с такой небрежностью, словно это был кусок дешевой фанеры.

В любой другой день я бы немедленно прервала его. Я бы заставила его встать, выпрямить спину, поставить ноги на педали и найти ту единственную правильную точку баланса, где вес арфы распределяется идеально, не заваливая музыканта назад. Но сегодня мой внутренний

фокус был безвозвратно сбит. Моя собственная точка опоры осталась где-то там, в чужих руках с медицинской доверенностью и в циничных словах дочери.

Артур начал играть. Его пальцы двигались по струнам вяло, без нужного мышечного погружения. Звук получался плоским, тусклым, лишенным малейшего объема. Он не извлекал музыку, он просто механически перебирал нейлон, желая поскорее отбыть свою повинность и уткнуться в телефон.

Я сидела за столом, спрятав вибрирующие руки под деревянной столешницей. Смотрела на его сгорбленную спину и чувствовала, как где-то под ребрами закипает глухое, тяжелое раздражение. Оно не имело прямого отношения к бездарному Артуру. Это было раздражение на саму себя за то, что я сижу здесь, пряча дрожащие пальцы, и позволяю какому-то подростку профанировать единственное дело, которое еще имеет для меня смысл.

- Стоп, - мой голос разрезал воздух класса, заставив мальчика вздрогнуть и оборвать жидкое арпеджио. - Артур, ты не гладишь кошку. Ты работаешь с басовым регистром. Там стоят жесткие струны с плотной металлической оплеткой. Чтобы они зазвучали, нужно физическое усилие. Твоя кисть должна быть зафиксирована, а зацеп - плотным, идущим от самого основания сустава, а не от кончиков пальцев.

- Да я нормально тяну, - буркнул он, недовольно сводя брови к переносице. - У меня пальцы болят от этих толстых тросов. У меня там кожа уже слезает.

- Нормально - это не та категория, которая применима к классической музыке. Попробуй еще раз. Четвертый такт. И держи локоть выше.

Мальчик раздраженно выдохнул, театрально закатил глаза, занес руки и попытался взять сложный аккорд в нижнем регистре. Его мягкие пальцы скользнули по оплетке, не зацепив струну должным образом, звук вышел смазанным, глухим, похожим на невнятное мычание. Он покнул языком, бросил руки на колени и откинулся назад.

- Они скользкие, София Иосифовна. Это нереально сыграть чисто, если у тебя нет плоскогубцев.

Профессиональная этика не оставляла мне выбора. Педагог не имеет морального права требовать от ученика того, чего не может или не хочет показать сам. Теория без физической практики в ремесле музыканта абсолютно мертва.

Я медленно поднялась из-за стола. Колени предсказуемо отозвались легким, сухим хрустом. Я подошла к подиуму. Артур неохотно уступил мне место, отодвинувшись в сторону со снисходительным вздохом.

Я села на жесткую обивку банкетки. Привычным, выверенным десятилетиями движением наклонила тяжелую раму на себя, чувствуя твердое прохладное дерево правым плечом и внутренней стороной колена. Этот вес всегда успокаивал меня. Он требовал присутствия в моменте, не позволяя мыслям блуждать.

Я подняла руки и поставила их на струны в исходную позицию. Левая рука легла уверенно, охватив средний регистр. Правая легла рядом, опускаясь к басам.

Дрожь никуда не ушла. Она просто затаилась, пульсируя под манжетой жакета. Чтобы извлечь чистый, глубокий звук из басовой струны, требуется колоссальное напряжение мелкой моторики кисти. Палец должен с силой оттянуть жесткий нейлон, преодолеть сильное сопротивление натяжки и в нужную, математически точную микросекунду соскользнуть, позволив струне вернуться на место и выдать резонанс в деку. Если кисть слаба, если в ней нет абсолютной, монолитной фиксации, струна сорвется раньше времени.

Я сделала короткий, невидимый вдох. Сконцентрировала всю свою волю в указательном пальце правой руки. Зацепила подушечкой толстую басовую жилу. Напрягла мышцы предплечья, оттягивая ее на себя.

В ту самую долю секунды, когда напряжение достигло своего абсолютного пика, кортизоловый спазм ударил по нервным окончаниям. Мой палец предательски, неконтролируемо дернулся. Мышца на мгновение ослабла, потеряв плотную хватку.

Струна сорвалась.

Она соскользнула криво, зацепив краем моего ногтя соседнюю жилу. Вместо глубокого, бархатного, вибрирующего баса по классу ударил резкий, дребезжащий, невероятно грязный диссонанс. Звук был таким уродливым, таким откровенно и жалобно фальшивым, что он буквально резанул по барабанным перепонкам в идеальной акустике помещения.

В кабинете повисла мертвая, звенящая, вязкая тишина.

Я сидела, замерев. Мои руки застыли в воздухе над рамой. Я смотрела на толстую красную струну ноты До нижнего регистра. Она мелко, визуальным различием вибрировала, продолжая издавать этот жалкий, затухающий металлический гул, который резонировал в пустом пространстве деревянной деки.

Боковым зрением я видела Артура. Подросток смотрел на меня сверху вниз. В его глазах читалось секундное удивление, которое мгновенно сменилось снисходительной, почти торжествующей усмешкой. Недостижимая, строгая София Иосифовна, всегда требовавшая идеальной техники исполнения, только что сляжала на элементарном басовом аккорде, как неумеха первого года обучения.

У меня не было сил сделать вдох. Одно дело - потерять мужа. Одно дело - услышать безжалостные слова дочери. Это была моя личная, тихая катастрофа, скрытая от посторонних глаз за толстыми стенами съемной квартиры. Но то, что произошло сейчас на глазах у чужого, равнодушного подростка, было неизмеримо страшнее.

Моя физиология предала меня в моем собственном, последнем убежище.

Многолетняя педагогическая выдержка сработала на автомате, спасая остатки моего достоинства. Я не вскочила с места, не спрятала пылающее лицо в ладони, не стала нелепо и суетливо оправдываться. Лицо мое, вероятно, стало бледным и жестким как гипс, но спина осталась идеально прямой. Я медленно опустила руки на колени, плотно сжав вибрирующие пальцы в кулак, и повернулась к ученику.

- Вот к чему приводит малейшая потеря контроля над кистью, - мой голос прозвучал сухо, размеренно, словно я зачитывала скучный параграф из методического пособия. - Если нет абсолютной жесткости в суставе, струна срывается и дает грязь. Надеюсь, ты увидел ошибку наглядно. Садись на место и повтори такт. И чтобы я больше не слышала про скользкие струны.

Мальчик пожал плечами, пряча ухмылку, и снова плюхнулся на банкетку.

Он начал играть, а я отошла к высокому окну. За стеклом холодный ветер монотонно раскачивал голые, черные ветви деревьев. Я стояла, скрестив руки на груди и до боли впиваясь ногтями в собственные предплечья.

Иллюзий больше не было. Нельзя разделить себя на части, аккуратно оставив боль за дверью класса, словно грязные ботинки в прихожей. Предательство Назара не просто лишило меня дома и статуса законной жены. Оно просочилось в мою кровеносную систему, оно проникло в суставы и сухожилия. Мой идеальный, непробиваемый фасад, которым я так гордилась сорок лет, треснул по всей длине. Здание обрушилось, и теперь под его тяжелыми обломками была погребена не только удобная жена, но и уверенный в себе мастер.

Глава 9. Бюрократия пустоты

- В выпадающем списке стандартной программы нет варианта «он доверил право отключать его от аппаратов жизнеобеспечения чужой женщине», София Иосифовна. Мы пишем классическое: непреодолимые разногласия.

Я сидела на жестком офисном стуле с металлической спинкой, от которой неприятно, сухо тянуло холодом в поясницу. Кабинет частного семейного адвоката на втором этаже старого бизнес-центра пах нагретым пластиком работающего принтера, ввевшейся пылью линолеума и дешевым растворимым кофе из подсобки. Обычный, будничный запах чужой казенной рутины. За тонкой гипсокартонной перегородкой кто-то монотонно и нудно обсуждал оформление доверенности на продажу ветхого гаража. Никаких шекспировских страстей. Трагедии здесь превращались в сухие канцелярские абзацы формата А4.

- Пишите непреодолимые, - ответила я ровно.

Женщина по ту сторону стола - уставшая, примерно моего возраста, с аккуратным, но заметно отросшим маникюром - методично щелкала мышкой. Она не была ни хамкой, ни сочувствующей подружкой. Она была просто механизмом по переводу человеческих катастроф в юридический текст. И это парадоксальным образом успокаивало. Вчерашний позор на уроке, когда моя правая рука предательски дрогнула и выдала фальшивую ноту на глазах у четырнадцатилетнего ученика, еще отдавался в предплечье глухим мышечным эхом. Но здесь, в этом стерильном кабинете, моим непродуктивным эмоциям просто не было места.

- Дети у вас совершеннолетние, споров по этому пункту нет. Заявление о расторжении брака мы подадим через нашего представителя по доверенности, чтобы избавить вас от необходимости личного присутствия и встреч со второй стороной в суде или ЗАГСе. Переходим к соглашению о разделе имущества, - юрист сдвинула на переносицу очки в тонкой роговой оправе, вглядываясь в монитор. - Согласно полученным выпискам, у вас в совместной собственности квартира площадью сто сорок квадратных метров, два автомобиля и три банковских счета.

Я опустила взгляд на свои руки, спокойно лежащие на коленях поверх темной шерстяной ткани строгой юбки.

- Счета делим ровно пополам, согласно выписке на день подачи заявления. Автомобиль, который оформлен на мое имя, остается мне, второй переходит ему.

- А недвижимость? - ее пальцы зависли над клавиатурой, клавиша тихо, пластиково щелкнула. - Учитывая текущую рыночную стоимость вашего пентхауса в этом элитном жилом комплексе, мы можем предложить два варианта. Либо продажа объекта и раздел суммы, либо выплата вам компенсации за вашу законную половину. Супруг готов выкупить вашу долю?

- Я отказываюсь от своей доли в квартире в его пользу. Полностью.

Стук по клавиатуре мгновенно прекратился. Женщина медленно подняла на меня глаза, смотря поверх стекол очков. В ее выцветшем, профессионально равнодушном взгляде на секунду промелькнуло абсолютно искреннее, чисто бабье удивление. В этих душных кабинетах женщины моего возраста обычно бились насмерть за каждый квадратный метр, за каждую хрустальную люстру и паркетную доску, жестоко мстя за загубленные годы и выдирая свое законное имущество с кровью.

- Вы уверены? - очень осторожно уточнила она, словно проверяя мою вменяемость. - Это колоссальная сумма. Это элитная недвижимость в престижном районе, София Иосифовна.

- Абсолютно.

Я вспомнила полный обвинений крик моей дочери Альбины из благополучного Мюнхена про наследство, которое я упускаю из-за своей нелепой гордости. Вспомнила снисходительный, хозяйский голос Назара, предложившего мне новенький внедорожник из салона в

качестве оплаты за то, чтобы я закрыла глаза на его страх надвигающейся старости и молодую любовницу.

Они оба ничего не понимали. Мое решение было продиктовано вовсе не оскорбленным женским благородством или желанием красиво хлопнуть дверью, оставив мужа с носом. Дело было в жестоком, кристальном прагматизме. Эта стеклянная клетка на двадцать пятом этаже, где даже воздух принудительно фильтровался умной машиной, требовала огромных ежемесячных взносов за обслуживание, услуги консьержей и систему климат-контроля. У меня больше не было таких денег, а просить их у предавшего меня человека означало добровольно надеть на себя золотой ошейник.

Мне были совершенно не нужны эти метры, пропитанные фасадной ложью и чужой, скрытой от меня жизнью. Половины наших общих банковских сбережений мне вполне хватит, чтобы купить себе скромное, но свое жилье, не оглядываться на ценники в супермаркете и ни от кого не зависеть до конца дней. Я покупала свою абсолютную, ничем не замутненную свободу по цене половины элитного бетона. Это была очень честная, трезвая сделка с самой собой.

- Как скажете, - юрист пожала плечами, возвращаясь к своему монитору. Чужие мотивы ее не касались, она получала почасовую оплату. Вордовский документ быстро заполнялся сухими, стандартными формулировками. - Для отправки копии соглашения ответчику курьером... то есть вашему супругу... мне нужно вписать ваш фактический адрес проживания. Чтобы мы могли указать его в реквизитах сторон.

Я замерла. Сделала короткий вдох, чувствуя, как бумажная пыль оседает на небе.

- Улица Садовая, дом восемнадцать, квартира три. Первый этаж.

Я диктовала адрес своей новой, пахнувшей сыростью и старым деревом съемной квартиры, прекрасно понимая, что именно произойдет дальше. Сегодня после обеда штатный курьер из этой конторы привезет Назару пухлый желтый конверт с печатями. Мой муж вскрыет его, уверенный, что там лежат очередные счета за химчистку его костюмов. Он увидит официальное, не терпящее возражений соглашение о разделе имущества. Увидит мой юридический отказ от его идеальной, недостижимой крепости. И самое главное - он увидит этот самый адрес. Наш с ним изоляционный барьер будет прорван официальным путем.

- Готово. Ознакомьтесь и подпишите вот здесь. И на второй странице внизу, - передо мной легли несколько теплых, только что выплюнутых принтером листов.

Я взяла со стола дешевую синюю шариковую ручку. Ее гладкий пластиковый корпус чуть скользил во влажных пальцах. Вчера, когда я пыталась извлечь звук из жесткой басовой струны, моя кисть ходила ходуном от кортизолового спазма. Сейчас, глядя на ровные черные строчки, юридически аннулирующие сорок лет моей жизни, я чувствовала только сухое, ровное спокойствие. Мои суставы не дрогнули ни на один миллиметр. Я поставила две четкие, размашистые подписи на бумаге.

Юрист забрала листы, бегло проверила заполненные графы. Взяла с края стола тяжелую металлическую оснастку для печати.

Раздался глухой, резкий стук.

Влажный удар резины о бумагу прозвучал в тишине тесного кабинета удивительно громко. Сорок лет. Наша студенческая свадьба, запах жареного лука в первой тесной однушке на окраине, бессонные ночи и пеленки маленькой Альбины, бесконечные ряды идеально выглаженных мною белых рубашек Назара, его тревожные дежурства на высоте под шквальным ветром, наш общий смех за ужинами, общие простуды и редкие отпуска у моря. Вся эта огромная, живая, сложная архитектура рухнула не под раскаты грома. Она не сопровождалась криками и битьем посуды. Она просто поместилась в тонкий прозрачный файл и была намертво скреплена синими чернилами за двадцать минут. Банальность конца оказалась куда страшнее любой книжной драмы.

- Документы уйдут сегодня в течение дня, - юрист сложила мой экземпляр в серую папку и протянула мне через стол. - Мы будем держать вас в курсе процесса. Всего доброго.

Спустившись по узкой, выложенной дешевой плиткой лестнице бизнес-центра, я толкнула тугую стеклянную дверь и вышла на улицу.

Октябрьский ветер немедленно забрался под воротник моего демисезонного пальто, с размаху ударив в лицо колючей, влажной взвесью. Под ногами неприятно чавкали мокрые, гниющие кленовые листья, смешанные с серой городской грязью. Мимо с монотонным шипением шин проносились утренние автомобили, разбрызгивая воду из неглубоких луж.

Я остановилась у самого края асфальтированного тротуара и посмотрела на свою правую руку, плотно сжимающую кожаную ручку сумки с документами.

Дрожи больше не было. Моя физиология окончательно смирилась с новой реальностью. Ампутация прошла успешно.

Где-то глубоко внутри, под ребрами, образовалась звенящая, вымороженная пустота, словно из моей грудной клетки одним махом вынесли всю старую мебель и оставили голые, холодные стены. Но именно сейчас, стоя в этой серой, промозглой осенней хмари, я вдруг невероятно четко, физически ощутила, как подошвы моих невысоких каблучков плотно и надежно упираются в жесткий, шершавый асфальт.

Больше никакой слепой, искусственной высоты. Никаких чужих стеклянных стен и отфильтрованного воздуха. Гравитация вернулась.

Я поправила воротник, шагнула вперед и уверенно пошла вдоль шумного проспекта в сторону станции метро. Мне нужно было занять себя, нужно было успеть на работу к третьему уроку.

Глава 10. Хозяин положения

Резкий, надсадный звук старого дверного звонка ввинтился в сухой шорох бумажных страниц, заставив меня вздрогнуть. Я замерла, так и не донеся красную шариковую ручку до нотной тетради ученика. На настенных часах было начало девятого вечера. За окном монотонно, тяжело шумел октябрьский дождь, смывая в водостоки потемневшие кленовые листья и превращая двор в сплошную серую лужу. Я никого не ждала.

Отодвинув тетради на край кухонного стола, я медленно поднялась. Мышцы спины приятно, гудяще ныли после долгого рабочего дня. Я успела снять строгий рабочий костюм и переодеться в мягкие домашние брюки и объемный шерстяной свитер, физически наслаждаясь тем, что в этих стенах мне больше не нужно держать круглосуточную марку безупречной супруги.

Подойдя к обитой темным, потертым дерматином двери, я прильнула к мутному стеклу глазка.

На лестничной клетке стоял Назар.

Моя рука на секунду зависла над металлической защелкой замка. В глупых женских романах брошенные жены в такие моменты впадают в панику, прячутся за дверь, затаив дыхание, или бегут к зеркалу поправлять прическу. Я просто повернула рычажок до щелчка и потянула створку на себя. Прятаться в квартире на первом этаже, окна которой выходят прямо во двор, было бы жалко и недостойно.

Назар шагнул через порог, не дожидаясь приглашения, и тесная прихожая хрущевки мгновенно съежилась, не выдержав его габаритов. Мой муж совершенно не походил на раскаявшегося грешника или больного, сломленного старика. На нем было безупречное темное кашемировое пальто, на плечах которого поблескивали мелкие капли дождя. От него пахло холодной осенней улицей, кожаным салоном автомобиля и дорогим, тяжелым парфюмом. Никакой помятости, никакой щетины. Он явился сюда не просить прощения. Он пришел наводить порядок.

В правой руке он держал объемный крафтовый пакет из элитного супермаркета. А в левой - тот самый пухлый желтый конверт, который сегодня днем я подписала в кабинете адвоката. Курьер сработал безупречно.

- Красивый жест, Соня, - произнес Назар. Его голос звучал ровно, с той фирменной, снисходительной хрипотцой генерального директора, который отчитывает подчиненного за мелкую оплошность. - Ящерица отбрасывает хвост? Отказ от доли в пентхаусе мои юристы оценили. А теперь давай заканчивать этот спектакль.

Он небрежно бросил желтый конверт на хлипкую обувную тумбочку. Плотная бумага шлепнулась о ДСП с сухим, канцелярским звуком.

Не снимая пальто, Назар по-хозяйски прошел мимо меня на кухню. Я не стала преграждать ему путь или кричать в спину. Я просто повернулась и последовала за ним, остановившись у дверного косяка.

Он поставил тяжелый бумажный пакет на выцветшую клеенку стола. Назар никогда не был тем карикатурным бытовым инвалидом, который не знает, с какой стороны подойти к плите. Он был человеком, привыкшим жестко контролировать все процессы вокруг себя. Сильными, уверенными движениями он начал выкладывать на стол элитные продукты: вакуумную нарезку хамона, дорогой швейцарский сыр, баночку фермерских маслин, свежий багет. Затем он безошибочно открыл нужный навесной шкафчик, достал две тарелки и начал распаковывать еду.

Он создавал иллюзию нормальности. Демонстрировал мне, что он по-прежнему здесь главный, что он пришел решить мою временную, как ему казалось, проблему.

Вдруг его руки замерли. Взгляд Назара наткнулся на старую, деревянную ручную кофемолку с надколотой чугунной ручкой, стоящую на краю стола. Лицо мужа потемнело от глухого, искреннего раздражения.

- Я до сих пор не могу понять, - процедил он, брезгливо отодвигая мельницу подальше от дорогих сыров. - Оставить технику за сотни тысяч, но утащить в этот клоповник старую деревянную рухлядь... У тебя на фоне климакса рассудок помутился?

Я смотрела не на кофемолку. Я смотрела на его тело.

Сорок лет совместной жизни вырабатывают рентгеновское зрение. Сквозь его лоск, сквозь его властные, размашистые движения я вдруг увидела то, что он так отчаянно пытался скрыть. Делая шаг от стола к раковине, Назар едва уловимо, на долю секунды дольше обычного задержал вес на правой ноге, слегка привлекая левую стопу. Последствия микроинсульта никуда не делись. Его шея была неестественно напряжена, словно ее стянули тугим ремнем, а дыхание после подъема всего лишь на несколько ступеней моего крыльца оставалось тяжелым, поверхностным.

Бог высоты сломался. Внутри этого большого, дорого одетого мужчины пульсировал животный, липкий страх надвигающейся немощи. И вместо того чтобы признать его, он пошел к молодой любовнице за адреналином, а теперь приехал ко мне, чтобы купить себе сиделку с хорошими манерами. Я не почувствовала ни гнева, ни былой обиды. Только холодную, кристальную, почти медицинскую жалость.

- Сыростью несет из подвала, - Назар оглядел выцветшие обои и чугунные решетки за окном, тяжело усаживаясь на табурет. - Ты серьезно собираешься встречать старость в этой конуре из-за бабьей истерики?

Он пододвинул ко мне тарелку с нарезанным мясом, ожидая, что я послушно сяду напротив и начну есть из его рук.

- Собирай вещи, Соня, - продолжил он, не дожидаясь ответа. - Внизу ждет водитель. Я уже поговорил с Альбиной. Дочь звонит мне, плачет, боится, что мать на старости лет сошла с ума и останется на улице. Хватит трепать нервы мне и ребенку. Завтра отзовешь бумагу у адвоката, вернешься домой, и мы закроем этот вопрос без глупостей.

Я осталась стоять у косяка. Скрестила руки на груди, чувствуя под пальцами плотную вязку своего серого свитера.

- Ты приехал сюда не за мной, Назар, - мой голос прозвучал тихо, но с той чеканной, академической дикцией, от которой в моем классе затихали самые неуправляемые подростки.

Он нахмурился, его рука с куском багета замерла в воздухе.

- Опять метафоры пошли?

- Никаких метафор. Голая смета, как ты любишь, - я смотрела ему прямо в глаза, не отводя взгляда ни на миллиметр. - Ты приехал не потому, что потерял любимую женщину. Ты приехал, потому что твой удобный, дорогой, проверенный временем диван вдруг встал на ножки и ушел из гостиной. А подбирать новый фасад для своей жизни слишком хлопотно. Тебе нужна не я. Тебе нужен твой привычный, слепой фундамент, чтобы было не так страшно прятать от врачей свои таблетки.

Его лицо дрогнуло. Кожа на скулах натянулась, челюстные мышцы дернулись. Я ударила в самую суть его страха, вскрыв тот гнойник, который он заливал деньгами и мужской бравадой.

Снисходительная маска генерального директора мгновенно треснула, осыпавшись, как старая штукатурка. Назар с силой бросил хлеб на стол.

- Диван?! - он тяжело поднялся с табурета, нависая над столом. Его голос приобрел жесткие, злые обертоны загнанного в угол эгоиста. - Да ты без меня - никто, Соня! Ты стареющая учительница с копеечной зарплатой! Кому ты нужна на седьмом десятке в этой хрущевке с решетками? Твои суставы уже сейчас скрипят! Ты через месяц здесь взвоешь от нищеты, когда

поймешь, что никто не оплатит тебе элитную клинику и не вызовет такси бизнес-класса! Сама приползешь!

Я не отшатнулась. Я подошла к тумбочке в прихожей, взяла желтый конверт, который он бросил там пару минут назад, и вернулась на кухню.

- Дверь сзади тебя, - я абсолютно спокойно положила конверт на стол, прямо поверх дорогого швейцарского сыра. - И не забудь забрать свои продукты. В моем холодильнике для них нет места.

Мы смотрели друг на друга несколько долгих, звенящих секунд. В его глазах я видела бессильную ярость человека, который привык покупать всё и всех, но внезапно столкнулся с тем, что не продается ни за какие миллионы. Моя абсолютная, железобетонная отстраненность стала для него самым страшным оскорблением.

Назар не сказал больше ни слова. Он резко развернулся, чуть сильнее обычного припадая на левую ногу, и тяжело зашагал в прихожую. Продукты он, разумеется, не взял.

Входная дверь захлопнулась за ним с такой колоссальной силой, что в коридоре противно дребезгнуло старое стекло зеркала, а с потолка на линолеум осыпалась мелкая белая пыль.

Я осталась одна. Воздух на кухне был густым от его парфюма и невысказанной агрессии. Я подошла к столу. Смотреть на оставленную им еду было физически неприятно. Это был паек капитуляции, которым он пытался меня накормить.

Без лишних эмоций, без театральных вздохов я сгребла хамон, сыр и фрукты обратно в крафтовый пакет. Плотно завязала края бумаги тугим узлом. Затем открыла входную дверь, вышла на холодную лестничную клетку и поставила этот пакет около старого железного мусоропровода.

Вернувшись на кухню, я тщательно вымыла руки теплой водой с простым хозяйственным мылом. Выключила верхний свет, оставив только тусклую диодную подсветку над газовой плитой. Квартира медленно, но верно погружалась в густую тишину первого этажа. Я села за стол, прислушиваясь к тому, как за кирпичной стеной монотонно и глухо гудят старые водопроводные трубы. Сегодня я окончательно выгнала прошлое за порог. И теперь мне предстояло научиться спать в этом новом, пустом пространстве.

Глава 11. Фантомные боли

- Назар, у меня сорвало кран...

Эта жалкая, инстинктивная полумысль билась в моей голове в такт агрессивному, ритмичному шуму хлещущей воды.

Я сидела на корточках в узком коридоре своей новой съемной квартиры, судорожно сжимая мобильный телефон. Тусклый свет экрана выхватывал из темноты кусок выцветшего линолеума, к которому прямо на моих глазах подбиралась неестественно быстро растущая темная лужа. На дисплее светились холодные белые цифры: три часа пятнадцать минут ночи.

Мой большой палец завис в миллиметре от стекла. Номер мужа находился в черном списке, но вытащить его оттуда было делом двух коротких касаний. Мозг, одурманенный внезапным пробуждением и нарастающей паникой, работал по старой, проложенной десятилетиями нейронной колее. Назар никогда не был тем карикатурным неумехой или инфантильным бытовым инвалидом, который ждет, пока жена вызовет мастера. В нашей прошлой жизни, еще до появления элитного пентхауса с умными системами климат-контроля и автоматическими датчиками протечек, он всегда брал такие катастрофы на себя. У него были сильные, абсолютно уверенные руки человека, знающего, как устроены тяжелые механизмы. Достаточно было просто нажать кнопку вызова. Он бы примчался прямо в своем дорогом кашемировом пальто, одним движением нашел бы нужный вентиль, а потом организовал лучшую круглосуточную бригаду ремонтников.

Это и была моя фантомная боль. Острая, пронзительная, пульсирующая на месте ампутированного брака. Я тосковала не по его губам, не по нашим общим ужинам и не по статусу замужней дамы. Я испытывала животный, парализующий ужас женщины, у которой внезапно выдернули из-под ног сам фундамент физической безопасности. Между мной и этой заливающей пол водой, между мной и всем остальным враждебным миром больше не было никакой буферной зоны.

Лужа поползла до носка моего мягкого домашнего тапочка, пропитав ткань. Холод мгновенно отрезвил ступню.

Если я позвоню ему сейчас, он действительно приедет. Он остановит воду. А потом выпрямится во весь свой внушительный рост, вытрет ладони, посмотрит на эти убогие обои, на меня, дрожащую в мокром свитере, и скажет своим фирменным, снисходительным тоном хозяина жизни: - Я же говорил, Соня. Ты без меня не справишься. Заканчивай этот цирк, соберай вещи, и мы едем домой.

Я резко выдохнула, словно выталкивая из легких скопившийся ядовитый газ. Воображаемый взгляд бывшего мужа действовал лучше любой пощечины. Я разжала непослушные пальцы и бросила телефон на хлипкую обувную тумбочку. Пластиковый корпус глухо стукнул о дешевое ДСП. Звонка не будет. Капитуляция отменяется.

Я вскочила на ноги и бросилась на кухню. В темноте больно, до искр из глаз ударила бедром об угол стола, но даже не сбавила шаг. Под старой кухонной раковиной, там, где крепился ветхий гибкий шланг холодной воды, сорвало проржавевшую резьбу. Струя била с пугающим напором, с гулом ударяясь о стенку деревянного шкафчика и разлетаясь ледяными брызгами по всей кухне. Низ моего серого шерстяного свитера, в котором я уснула от усталости, мгновенно намок, тяжелея и противно липнув к телу.

Схватив с батареи старое махровое полотенце, я швырнула его прямо в центр бурлящей лужи, чтобы хоть немного замедлить потоп. На первом этаже некого было затапливать снизу, но вода неминуемо уходила под старые доски, грозя черной плесенью и гнилью.

Я опустила на мокрый линолеум. Мои суставы, привыкшие к комфорту мягких кресел и дубового паркета с подогревом, пронзила тупая, тянущая боль.

Распахнув дверцу под мойкой, я зажмурилась. Оттуда пахло откровенной гнилью, спертой подвальной сыростью и старым, окислившимся металлом. Мой взгляд выхватил в глубине сплетения труб коренной вентиль. Громоздкая советская конструкция была щедро покрыта хлопьями рыжей ржавчины и каким-то липким черным мазутом.

Я протянула правую руку - ту самую руку, которая всего сутки назад предательски дрожала на уроке, не сумев совладать с жесткой басовой струной арфы. Пальцы обхватили железную "бабочку" вентиля. Я попыталась повернуть ее по часовой стрелке. Металл даже не шелохнулся. Он прикипел намертво, словно сросся с трубой за долгие десятилетия.

Острые, зазубренные края ржавого железа впились в мою нежную кожу. Я закусил губу, чувствуя на языке солоноватый вкус собственной крови, и рванула вентиль еще раз. Бесплезно. Пальцы просто соскользнули, содрав верхний слой эпидермиса на костяшках.

- Нет, - произнесла я вслух, и мой голос прозвучал в пустой квартире хрипло, зло, совершенно не по-академически.

Я потянулась назад, нащупала на кухонном столе сухое вафельное полотенце. Плотнo обмотала им ржавый вентиль, создавая прослойку между безжалостным металлом и своими ладонями. Затем обхватила конструкцию обеими руками, сжала пальцы так, что в предплечьях закололо тысячами иголок, и навалилась всем весом своего тела. Я вкладывала в это грубое физическое движение всю ту невысказанную ярость, которая скопилась во мне за последние дни. Ярость на Назара, на дочь с ее циничной ипотекой, на собственную многолетнюю слепоту удобной жены.

Мои плечи горели огнем. Суставы кистей сухо хрустнули. Ткань полотенца затрещала под колоссальным давлением.

Раздался протяжный металлический скрежет. Вентиль сдвинулся с мертвой точки на пару миллиметров. Я перехватила руки, игнорируя саднящую боль в содранных костяшках, и с утробным выдохом докрутила его до упора.

Шум воды захлебнулся. Давление в трубе резко упало, из сорванной резьбы вытекла последняя слабая струйка и с тихим, жалким хлопаньем упала на размокший пол.

Наступила оглушительная тишина.

Я сидела на полу, тяжело привалившись спиной к дверце соседнего кухонного шкафчика. Грудь судорожно вздымалась, втягивая холодный воздух. Мои домашние брюки насквозь промокли на коленях и бедрах, пробирая до костей холодом.

Но страшнее всего выглядели мои руки. Я поднесла их к лицу, рассматривая в тусклом свете уличного фонаря, пробивающегося сквозь ветви клена за окном. Мои ухоженные пальцы интеллигентного педагога, привыкшие бережно переворачивать страницы старинных партитур, превратились в руки чернорабочего. Они были покрыты густым, липким слоем мазута, смешанного с рыжей крошкой. На сгибах указательного и среднего пальцев блестела сукровица из свежих ссадин.

Я медленно поднялась, опираясь о край столешницы. Колени мелко дрожали от перенапряжения. Поскольку воду я перекрыла полностью во всей квартире, кран над раковиной был теперь абсолютно бесполезен. Я подошла к столу, взяла полуторалитровую пластиковую бутылку минеральной воды, которую купила накануне, и достала из мыльницы жесткий, угловатый кусок дешевого хозяйственного мыла.

Встав над потемневшей от времени раковиной, я открутила крышку зубами и щедро полила водой свои измазанные ладони. Вода была ледяной. Она обжигала саднящую кожу, проникая холодом прямо в воспаленные суставы. Я намылила руки и начала методично, безжалостно оттирать въевшуюся грязь. Пена мгновенно стала отвратительно серой. Я терла ладони друг о друга с такой остервенелой силой, словно пыталась смыть в слив не только мазут, но и весь свой прошлый, искусственный фасад идеальной супруги.

От ледяной воды пальцы начало сводить болезненной судорогой. Кожа покраснела, покрылась плотными мурашками, раны на костяшках защипало так яростно, что на глаза сами собой навернулись едкие слезы. Но я не останавливалась до тех пор, пока подушечки не стали абсолютно чистыми, до скрипа.

Я вытерла руки жестким полотенцем, промокая царапины. Фантомная боль отступила, сжежившись до размеров этой тесной, но моей собственной кухни. Внутри больше не было липкого страха перед бытовой неустроенностью. Я стояла на собственных ногах, в сырой съемной квартире, и я сама остановила этот потоп.

За окном начало медленно, неохотно светать. Октябрьское небо за чугунными решетками окрашивалось в грязные, сизые оттенки наступающего утра. Настенные часы с тихим щелканьем показывали половину пятого.

Возвращаться в холодную постель не имело смысла. Сон ушел безвозвратно, выжженный кортизолом и грубым физическим трудом. Я стянула с себя мокрую, тяжелую одежду, бросила ее в пластиковый таз в ванной, надела сухую хлопковую футболку и чистые трикотажные брюки.

Вернувшись на кухню, я села за стол. Налила в фаянсовую кружку немного оставшейся минеральной воды и крепко обхватила ее двумя руками. Мне просто нужно было держать что-то твердое, чтобы чувствовать физические границы собственного тела в этом изменившемся пространстве.

Моя поясница налилась свинцовой, ноющей тяжестью. Мышцы плеч гудели от напряжения, а в голове клубился плотный, вязкий туман от бессонной ночи и нервного истощения. Через три с половиной часа мне нужно будет выйти из этого дома под дождь. Нужно будет доехать на гудящем трамвае до музыкальной школы, надеть свой строгий рабочий костюм, зайти в класс и с безупречной осанкой объяснять подросткам тонкости классической гармонии.

Глава 12. Треск резонанса

Медицинский пластырь на басовой струне звучит глухо, вязко и совершенно непрофессионально. Тканевая основа цепляется за плотную металлическую оплетку, смазывая звук еще до того, как он успевает родиться и уйти в резонансную дека. Я отняла правую руку от инструмента и положила ее на колено, разглаживая темную шерсть строгой рабочей юбки. Костяшки под бактерицидными наклейками горели ровным, саднящим огнем. Бессонная ночная борьба с прикипевшим ржавым вентилем под кухонной раковиной забрала у меня последние физические силы. Моя поясница налилась свинцом, а в затылке ритмично пульсировала тупая, изматывающая боль от жесточайшего недосыпа и выжженного адреналина.

- Давай сама, Верочка, - я кивнула девятилетней ученице, сидящей за учебной арфой кельтского образца. - Локоть выше. И не заваливай кисть внутрь. Звук должен идти от плеча.

Верочка послушно закивала и принялась старательно перебирать нейлон. Я смотрела на ее тонкие, еще не знающие настоящих профессиональных мозолей пальцы, и с ледяной ясностью понимала, что сегодня я больше не смогу прикоснуться к струнам. Мой лимит был исчерпан. Физиология диктовала свои жесткие, бескомпромиссные условия. Я просто сидела в глубоком кресле преподавателя, чувствуя, как холодный октябрьский сквозняк едва ощутимо тянет от высокого окна. В классе пахло нагретым на солнце дубовым паркетом, дорогой полиролью и канифолью - тот самый привычный, академический мир, который еще пару недель назад казался мне незыблемым, а сегодня вдруг стал плоским и чужим.

Урок закончился. Девочка собрала ноты, попрощалась тоненьким голоском и аккуратно прикрыла за собой тяжелую дубовую дверь. У меня было ровно пять минут до следующего занятия, чтобы выпить глоток воды из бутылки и попытаться унять ноющую, тянущую боль в коленных суставах.

Но дверь почти сразу распахнулась снова.

Артур ввалился в кабинет с привычной развязной ленцой. Ему было четырнадцать, он носил брендовые вещи, которые его родители покупали без оглядки на ценники, и смотрел на окружающих с нескрываемым превосходством. Он жевал жвачку, а его тяжелый кожаный рюкзак небрежно сползал с одного плеча. Мальчик прекрасно помнил, как на прошлом занятии моя правая рука предательски дрогнула от кортизолового спазма, выдав фальшивый аккорд. Сегодня он чувствовал себя хозяином положения, безошибочно уловив мою физическую слабость.

- Здравствуйте, - бросил он на ходу, швырнув рюкзак прямо на пол около банкетки.

- Здравствуй. Вымой руки, - коротко напомнила я, даже не изменив позы в кресле.

Подросток театрально закатил глаза, всем своим видом демонстрируя, как сильно его утомляют мои придиры. Он подошел к раковине в углу класса, лениво подставил кончики пальцев под тонкую струю холодной воды и тут же вытер их о свои дорогие джинсы. Затем уселся за концертную арфу.

Этот инструмент был моей личной гордостью. Огромная, сорокакилограммовая колонна из цельного клена, сложнейшая механика педалей в основании, сорок семь туго натянутых жил, способных выдавать звук невероятной глубины.

Артур не стал выравнивать осанку. Он небрежно, как кусок фанеры, привалил тяжелую раму к плечу, скользнул насмешливым взглядом по пластырям на моих израненных костяшках, криво усмехнулся и начал играть сложное арпеджио.

Это была настоящая физическая пытка. Он не извлекал музыку, он откровенно издевался над инструментом. Его мягкие, ленивые пальцы скользили по струнам грязно, без нужного мышечного погружения и жесткости в суставах. Выходил плоский, уродливый диссонанс. Иде-

альная акустика моего класса жадно ловила эту фальшь, многократно усиливала ее, отражая от высоких потолков, и с размаху бросала мне прямо в барабанные перепонки.

Я смотрела на его сгорбленную спину и видела перед собой не просто трудного подростка. Я видела в нем то же самое высокомерие, ту же уверенность в собственной безнаказанности, с которой мой бывший муж пытался купить мое молчание за немецкий внедорожник.

- Стоп, - мой голос прорезал воздух класса сухо и хлестко.

Мальчик оборвал игру на середине такта, с вызовом повернув голову в мою сторону.

- Что опять не так, София Иосифовна? Нормально же звучит.

Я не стала повышать тон ни на полтона. Моя спина выпрямилась сама собой, профессиональная мышечная память на мгновение оказалась сильнее свинцовой усталости в пояснице.

- Нормально - это оценка для уличного брэнчания в подземном переходе, Артур, - я смотрела прямо в его наглые, пустые глаза, чеканя каждое слово. - Ты не имеешь права прикасаться к этому инструменту с таким откровенным пренебрежением. За каждым чистым звуком здесь стоит колоссальная физическая боль, стертые в кровь подушечки пальцев и железная дисциплина. Ты приходишь сюда отбывать повинность, оплаченную твоим влиятельным отцом. Но здесь, в этих стенах, его статус и его деньги не имеют никакого веса. Вес имеет только твой собственный труд.

Я сделала короткую паузу, давая словам плотно осесть в звенящей тишине кабинета.

- Либо ты сейчас выпрямляешь спину, ставишь кисть правильно и начинаешь работать, либо берешь свой рюкзак, убираешься отсюда и передаешь родителям, что я навсегда отказываюсь от занятий с тобой.

Щеки подростка мгновенно пошли некрасивыми красными пятнами. Он не привык к отказам. Он рос в уютной, искусственной парадигме, где прислуга, репетиторы и учителя должны были терпеливо сносить любые его выходки за хорошую почасовую оплату. Моя отповедь, абсолютно ледяная и непробиваемая, ударила по его раздутому эго наотмашь.

- Да пошли вы со своей дурацкой арфой! - зло, срываясь на фальцет, выплюнул он.

Артур резко вскочил с банкетки. В этом пубертатном, неконтролируемом приступе агрессии он дернулся в сторону, подхватывая с пола свой тяжелый рюкзак, и одновременно грубо, с размаху оттолкнул от плеча раму инструмента.

Арфа потеряла точку опоры. Законы физики сработали мгновенно.

Я рефлексивно рванулась вперед из своего кресла. Мое тело бросилось на помощь инструменту на чистом инстинкте музыканта, но меня подвела собственная физиология. Затекшие после ночи на сыром полу колени отозвались резкой, сухой болью, замедлив рывок на ту самую критическую долю секунды. Мои израненные, заклеенные пластырями пальцы скользнули по воздуху в сантиметре от падающей колонны. Я просто не успела.

Сорок килограммов цельного клена с высоты человеческого роста рухнули на дубовый паркет подиума.

Звук падающего инструмента - это не просто банальный грохот уроненной мебели. Это физический хруст сложной архитектуры. Натяжение струн в несколько тысяч килограммов, мгновенно лишившись математически точного баланса конструкции, сработало как разрушительная пружина, вминающая дерево само в себя. Резонансная дека лопнула по центральному шву с пушечным, глухим треском. Сразу несколько толстых басовых жил с металлическим визгом порвались, хлестнув по воздуху перекрученным нейлоном и медной оплеткой. Колонна тяжело ударилась о пол, латунные педали жалобно лязгнули.

Внутри меня словно оборвались мои собственные сухожилия. Гудящий, диссонирующий стон умирающего дерева заполнил класс, проникая под кожу, вдавливая меня в паркет.

Повисла мертвая, осязаемая тишина.

Оборванные струны продолжали мелко, судорожно вибрировать, издавая сухой, дребезжащий металлический гул. Артур замер у массивных дверей, белый как полотно. Вся его деше-

вая спесь испарилась в одну секунду, оставив только животный испуг нашкодившего ребенка, который вдруг осознал реальную цену своего поступка.

- Она... она сама соскользнула, - заикаясь, пробормотал он, судорожно прижимая к груди рюкзак. - Я не хотел. Мой папа все оплатит. Сколько она стоит? Мы переведем деньги...

Я не стала на него кричать. Я не стала биться в театральной истерике, рвать на себе волосы или бежать за завучем. Я медленно, тяжело опустилась на колени перед разбитой арфой, чувствуя, как шершавый паркет холодит кожу через тонкую ткань юбки. Осторожно провела указательным пальцем - тем самым, с наклеенным бактерицидным пластырем - по глубокой, неровной щели в расколотой деревянной деке. Дерево было мертво. Инструмент, моя последняя опора, моя единственная оставшаяся связь с прошлой, выверенной жизнью, превратился в изувеченный, бесполезный кусок древесины.

Я не поднимала глаз на ученика.

- Вон, - произнесла я очень тихо, но так, что воздух в кабинете стал густым и ледяным.

Мальчик не заставил повторять дважды. Он пулей выскочил за дверь, оставив створку приоткрытой.

Я осталась одна на полу около своей разбитой арфы. Мой бывший муж был свято уверен, что можно легко оплатить предательство брака. Этот глупый мальчик искренне верил, что можно оплатить уничтоженную деку. Но на этой твердой, безжалостной земле оставались вещи, которые не подлежали ремонту по прайс-листу.

Глава 13. Загнанная в угол

- Что у вас здесь происходит, София Иосифовна? Мы на втором этаже слышали грохот. Голос директора школы, Игоря Матвеевича, прозвучал отрывисто и недовольно. Он шагнул в кабинет, сопровождаемый завучем Анной Павловной, которая испуганно выглядывала из-за его плеча.

Я все еще сидела на жестком дубовом паркете перед расколотой концертной арфой. Оборванные басовые струны свисали вдоль изувеченной колонны, напоминая спутанные, мертвые нервные волокна. Воздух в классе казался густым от поднявшейся древесной пыли и резкого запаха потревоженного лака.

Директор остановился в метре от подиума. Его взгляд скользнул по мне, по неестественно вывернутой раме инструмента, но в его глазах не было ни капли сочувствия к уничтоженному шедевру или к моему состоянию. У него мгновенно включился рефлекс опытного администратора, оценивающего масштаб корпоративного ущерба.

- Артур выбежал из школы без куртки, - тихо, словно боясь разбудить кого-то, сообщила завуч, теребя край своей кофты. - Чуть охранника с ног не сбил.

Игорь Матвеевич тяжело вздохнул, потирая переносицу.

- София Иосифовна, поднимитесь с пола, пожалуйста. Ну что за театральность?

Я медленно, опираясь руками о край деревянного подиума, встала. Суставы коленей, затекшие после бессонной ночи на сыром полу моей новой квартиры, отозвались острой, сухой болью. Саднящие костяшки пальцев под бактерицидными пластырями снова заныли. Я выпрямила спину, расправляя темную ткань строгой рабочей юбки, и посмотрела директору в лицо.

- Ученик намеренно толкнул инструмент, - мой голос звучал ровно, хотя внутри все вибрировало от глухого напряжения. - Дека лопнула. Механика педалей повреждена. Инструмент уничтожен.

- Давайте не будем бросаться такими громкими словами, - Игорь Матвеевич поморщился, словно у него внезапно заболел зуб, и сделал успокаивающий жест рукой. - Артур - мальчик сложный, с особенностями пубертатного периода. Вы же опытный педагог, тридцать лет стажа. Зачем было так давить на подростка? Можно было проявить гибкость.

Я смотрела на этого человека в дорогом костюме и не верила своим ушам.

- Проявить гибкость к хамству?

- Проявить профессиональную мудрость, - с нажимом поправил он, и его тон стал жестче, приобретая металлические, канцелярские нотки. - Вы прекрасно знаете, кто отец Артура. Наша школа существует в том числе благодаря его спонсорской поддержке. Этот ремонт крыши в прошлом году, новое оборудование в актовом зале... А эта арфа... Ну сколько ей лет? Она давно числится на балансе как ветхий инвентарь. Мы ее просто спишем.

- Спишете? - эхом отозвалась я.

- Именно. Оформим акт утилизации. А вам, София Иосифовна, я настоятельно рекомендую сегодня же вечером позвонить матери Артура. Извинитесь за свою чрезмерную строгость. Скажите, что произошло недоразумение, мальчик случайно задел старую мебель. Не нужно раздувать конфликт из-за куска разошедшегося дерева. Нам не нужны проблемы с попечительским советом.

Я стояла абсолютно неподвижно. Воздух в кабинете внезапно стал прозрачным и ледяным, как медицинский спирт.

Иллюзии всегда умирают тихо. Я десятилетиями приходила в эти стены, считая школу своим личным храмом искусства. Местом, где действуют строгие, чистые законы музыкальной

гармонии, где нет места лжи и грязи внешнего мира. Но сейчас я видела перед собой лишь еще одну фасадную декорацию. Этот респектабельный директор, эта элитная школа с ее паркетом и лепниной ничем не отличались от моего бывшего мужа. Они точно так же были готовы обесценить мой труд, закрыть глаза на разрушение и выписать мне моральный счет, лишь бы сохранить свой комфортный, проплаченный статус-кво. Меня просили стать удобным диваном на работе так же, как я была им в браке.

- Оставьте мой класс, - произнесла я. В моем голосе не было ни гнева, ни истерики. Только абсолютный, вымороженный вакуум.

- Что, простите? - Игорь Матвеевич удивленно приподнял брови.

- Выйдите из кабинета. Оба. Мне нужно составить опись повреждений, - я чеканила каждое слово с той непререкаемой академической дикцией, которая не оставляла пространства для дискуссий.

Директор поджал губы, его лицо пошло некрасивыми красными пятнами от скрытого возмущения.

- Надеюсь на ваше благоразумие, София Иосифовна. Жду вас завтра у себя в кабинете с объяснительной. Идемте, Анна Павловна.

Они вышли, плотно прикрыв за собой тяжелую створку.

Оставшись одна, я подошла к двери. Достала из кармана жакета свой потертый ключ, вставила в скважину и дважды повернула. Раздался сухой щелчок. Вытащив ключ, я положила его на стол. Я отрезала себя от этого лицемерного, трусливого мира.

Вернувшись к подиуму, я опустилась на корточки рядом с арфой. Осторожно провела указательным пальцем по изломанному краю кленовой деки. Дерево было мертвым. Натяжение в несколько тысяч килограммов, лишившись баланса, разорвало его изнутри. Школа была готова выбросить этот инструмент на помойку, списать в утиль за ненадобностью, как Назар попытался списать меня.

- Я не отдам тебя, - прошептала я, чувствуя, как шершавая поверхность дерева царапает край моего пластыря.

Я поднялась и подошла к своему столу. Никакого судорожного поиска в смартфоне. Я открыла боковой ящик и достала старую, потертую телефонную книжку в кожаной обложке. Страницы слегка пожелтели от времени. Я пролистала их до буквы «Д», ища контакт, который много лет назад дала мне Татьяна. Давид Долгополый. Мастер-реставратор.

Сняв трубку мобильного, я набрала номер. Гудки шли долго, тягуче. Наконец на том конце раздался щелчок.

- Да, - голос был глубоким, с легкой хрипотцой, а на заднем фоне визжала циркулярная пила, перемалывая древесину.

- Давид? Здравствуйте. Меня зовут София Иосифовна, я преподаватель класса арфы. Мне дал ваш номер...

- Пилу выключи! - крикнул он куда-то в сторону, и резкий звук мгновенно оборвался, оставив лишь плотный рабочий гул. - Слушаю вас, София Иосифовна. Что у вас стряслось?

Я описала проблему максимально сухо и деловито. Никаких слезных историй про ученика и директора. Только факты. Сорок килограммов, концертная колонна, падение на жесткий пол, продольная трещина деки по центральному шву, обрыв басовых жил, деформация латунных тяг.

Давид выслушал меня не перебивая.

- По телефону диагнозы не ставлю, - ответил он ровным, спокойным тоном хирурга, привыкшего к чужим трагедиям. - Дерево нужно щупать. Геометрию рамы проверять. Если внутренний штырь повело - дело дрянь. Привозите в мастерскую, посмотрю. Запишите адрес.

Я зажала телефон плечом и быстро набросала продиктованную улицу на клочке бумаги.

- Я вызову грузовое такси прямо сейчас.

Сбросив вызов, я открыла приложение на смартфоне, чтобы найти ближайший фургон. Мой взгляд скользил по экрану, выбирая тариф.

В этот момент массивная латунная ручка двери моего класса дернулась вниз.

Я не подняла головы, зная, что замок надежно закрыт изнутри. Наверное, завуч вернулась с какими-нибудь бумагами на подпись. Ручка дернулась еще раз, более настойчиво. А затем в замочной скважине раздался характерный металлический скрежет. Кто-то снаружи вставлял дубликат.

Холодок пробежал вдоль моего позвоночника. Ключей от этого кабинета было всего два. Один лежал передо мной на столе, второй хранился на посту охраны на первом этаже. И охрана не имела права выдавать его никому без личного распоряжения директора.

Замок глухо щелкнул. Тяжелая створка медленно открылась.

На пороге стоял Назар.

Он не был похож на карикатурного, опустившегося без жены старика. На нем было безупречное темное демисезонное пальто из кашемира, ткань которого едва заметно поблескивала от осевшей на улице мелкой октябрьской мороси. Его обувь была идеально вычищена. От него исходил холодный запах сырого города, дорогой автомобильной кожи и того тяжелого, властного парфюма, который я вдыхала десятилетиями. Он выглядел как человек, привыкший открывать любые двери, покупать любые ключи и подчинять себе любые пространства.

Администрация школы, прекрасно осведомленная о финансовом статусе моего мужа, явно прогнулась перед ним за пару минут, услужливо выдав дубликат от кабинета заупрямившейся супруги.

Назар сделал шаг через порог. Его тяжелый взгляд мгновенно просканировал помещение. Он посмотрел на разбитую арфу на подиуме, на разбросанные ноты, а затем его глаза остановились на мне.

Он не произнес ни слова. Развернувшись, он вытащил ключ с внешней стороны двери. Затем вставил его изнутри и медленно, демонстративно провернул на два полных оборота. Замок лязгнул. Назар вынул связку и спокойно опустил ее в глубокий карман своего пальто.

Мы оказались заперты. Отрезаны от всего остального здания.

Воздух в классе мгновенно стал тяжелым, клаустрофобным. Присутствие Назара всегда заполняло собой все физическое пространство, вытесняя кислород. Я отложила телефон на деревянную столешницу и выпрямилась, чувствуя, как напрягаются мышцы поясницы.

- Решил заняться проверкой замков? - спросила я ровно, глядя ему в переносицу.

Назар проигнорировал мой вопрос. Он медленно прошел к центру класса, не снимая пальто, и остановился у моего стола. Расстегнул пуговицу, запустил руку во внутренний карман пиджака и извлек оттуда плотный белый конверт с логотипом знакомой мне адвокатской конторы.

- Твои юристы оказались очень понятливыми людьми, Соня, - произнес Назар с той фирменной, снисходительной хрипотцой, от которой у меня внутри всегда всё сжималось в привычный комок. - Женщина-адвокат, которой ты так опрометчиво выписала доверенность на ведение дела вчера утром... Она оказалась весьма восприимчива к моим аргументам. И к компенсации на ее личном счете.

Он бросил белый конверт на стол передо мной. Бумага сухо шлепнулась о дерево.

- Она приостановила подачу документов, - продолжил он, глядя на меня сверху вниз. - Сослалась на процессуальные неточности. Внутри официальный отказ от представления твоих интересов в связи с эмоциональной нестабильностью доверителя. Твоего заявления в суде нет.

И не будет. Ни одна нормальная контора в этом городе не возьмется за дело против меня, я об этом уже позаботился.

Я смотрела на этот конверт. Мой логичный, выверенный план легального освобождения был только что раздавлен грубым финансовым прессом. Назар не мстил. В его извращенной системе координат он не делал ничего плохого. Он искренне считал, что спасает неразумную, взбунтовавшуюся жену от ее собственных глупостей, применяя эффективные менеджерские решения.

- Ты думаешь, что купил меня обратно? - тихо спросила я, сжимая руки в кулаки под столом.

- Я думаю, что этот цирк затянулся, - Назар оперся двумя руками о край моего стола, нависая надо мной. Его дыхание было чуть тяжелее обычного, шея напряжена. - Посмотри на себя. Посмотри на этот кусок дров на полу. Твой директор только что расшаркивался передо мной в коридоре, извиняясь за твое поведение, и сам отдал мне ключ. Тебя здесь ни во что не ставят. Твоя хваленая интеллигенция - это пшик.

Он сделал короткую паузу, сканируя мое бледное лицо. Его тон стал пугающе заботливым, собственническим, как у деспота, который искренне верит в свое благородство.

- Я отменил твое заявление, Соня. Моя жена не будет мыкаться по сырым клоповникам на первых этажах. Моя жена не будет срывать себе суставы и терпеть унижения от чужих бездарных выроdkов, ломающих мебель. Ты показала характер. Я оценил твою гордость. А теперь заканчивай этот спектакль. Собирай вещи. Мы едем

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.